

Письма
под штукатуркой

Надежда Федорова

Надежда Федорова

Письма под штукатуркой

«Автор»

2026

Федорова Н.

Письма под штукатуркой / Н. Федорова — «Автор», 2026

В старых стенах живут не только призраки. Когда реставраторы вскрывают вековую штукатурку, они находят не скрытые сокровища, а письма.

Трогательные, трагические, опасные. Каждое послание — ключ к чужой судьбе и ловушка для тех, кто его прочитал. Скандальная статья, теневая сделка по сносу здания, чья-то давняя вина — всё это поднимается со дна памяти, угрожая поглотить тех, кто хотел спасти прошлое. Чтобы отстоять правду, им придётся разгадать тайну, которая связала их судьбы крепче цемента и предательства. Иногда, чтобы построить будущее, нужно сначала разобрать стены — в буквальном смысле.

© Федорова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение к истокам.	5
Глава 2. Камень преткновения.	9
Глава 3. Разговор по душам за вишнёвым пирогом.	15
Глава 4. Мастерская «Камень времени».	21
Глава 5. Первая находка.	27
Глава 6. Визит к отцу.	33
Глава 7. Призрак из Москвы.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Федорова

Письма под штукатуркой

Глава 1. Возвращение к истокам.

Поезд замедлил ход, словно не решаясь въехать в прошлое. Анастасия Орлова прижалась лбом к прохладному стеклу вагона, пытаясь разглядеть сквозь октябрьскую пелену дождя знакомые очертания. Десять лет. Десять лет она не была в Кожино, но теперь, когда за окном проплывали покосившиеся заборы, покрашенные когда-то в весёленький голубой цвет, а теперь выцветшие до блёклости неба, она поняла – ничего не изменилось. Время здесь текло иначе, как густой, тягучий мёд, застывая в закоулках узких улочек.

Станция представляла собой длинное жёлтое здание с облупившейся штукатуркой, похожее на усталого пса, свернувшегося у путей. Настя взяла свой чемодан – единственный, нелепо минималистичный для этого места, где привыкли перевозить вещи мешками и коробками, – и вышла на перрон. Влажный воздух пах мокрой листвой, дымом от печей и чем-то неуловимо родным – детством, может быть. Или просто забвением.

– Настька! Господи, да это же ты!

Голос прозвучал радостно и громко, нарушая сонную тишину платформы. Настя обернулась и увидела Марину. Подруга детства почти не изменилась: те же живые карие глаза, собранные в небрежный пучок тёмные волосы, из-под которого выбивались непослушные пряди, и широкая, искренняя улыбка. Только вокруг глаз легла сеточка мелких морщинок – не от возраста, Настя знала, а от привычки смеяться часто и заразительно. Марина была завернута в огромный вязаный кардиган цвета спелой вишни и размахивала рукой, будто Настя могла её не заметить.

– Мар, привет, – Настя попыталась ответить улыбкой, но губы будто одеревенели от долгой дороги и внутреннего напряжения.

Марина, не церемонясь, крепко обняла её, и Настя на мгновение утонула в знакомых запахах – кофе, ванили и чего-то древесного, уютного.

– Отпускай, задушишь, – хрипло рассмеялась Настя, но руки её невольно сжали тонкие плечи подруги.

– Ни за что! Десять лет, Насть! Десять! Я думала, ты окончательно стала московской штучкой и забыла дорогу, – отстранившись, Марина внимательно, почти профессионально оглядела её с ног до головы. – Выглядишь... серьёзно. И красиво, конечно. Но как-то... застеклённо.

«Застеклённо». Точное слово. Настя чувствовала себя именно так – будто её поместили под толстое стекло, через которое всё видно, но ни достучаться, ни почувствовать тепло уже невозможно. Её тёмно-серое пальто строгого кроя, аккуратный кашемировый шарф, лаконичные сапоги – всё кричало о другой жизни, о том московском ритме, где она научилась быть безупречной и неудобоваримой.

– Ну, я же не на курорт, – сказала Настя, подхватывая чемодан. – Работа.

– Ах, да, твой великий проект! – глаза Марины заблестели. – Дом Рощина! Весь город только об этом и говорит. Реставрация, культурный центр... Это же грандиозно для нашего захолустья! Пойдём, я тебя довезу. Машина там, на стоянке.

Они пошли по шербатому асфальту к старой, но ухоженной «Ладе». Дождь стих, превратившись в морось, застлавшую мир серой дымкой. Марина без умолку болтала, пересказывая городские новости, а Настя лишь кивала, глядя в окно. Вот улица Советская, где она бегала в школу. Вот сквер с покосившимся памятником Ленину, где они с Марой в четырнадцать лет

выкурили первую сигарету. Вот аптека, в витрине которой до сих пор красовалась гипсовая голова, демонстрирующая строение уха. Застой. Или покой. Смотря с какой стороны посмотреть.

– ...а Лидия Ивановна, наш мэр, просто в восторге от того, что нашлась столичная специалистка. Хотя, – Марина бросила на неё хитрый взгляд, – поговаривают, что ты не сама вызвалась. Что там, в Москве, что-то случилось?

Вопрос повис в воздухе, острый и неудобный. Настя отлично слышала шепоток за своей спиной в офисе: «провал проекта», «не сошлась характерами с заказчиком», «слишком принципиальна». И куда более болезненный, личный провал, о котором не знал никто, даже Марина. Пётр Ковалёв. Его имя до сих пор отдавалось тихим звоном в висках, напоминанием о собственной наивности.

– Случилось то, что я устала реставрировать похабные новodelы под старину для нуворишей, – ответила Настя сухо, глядя на проплывающие за окном покосившиеся деревянные домики с резными наличниками. – А тут – настоящая работа. Подлинная история.

– Ну, истории тут хватает, – загадочно заметила Марина, сворачивая на мощеную булыжником улицу, которая вела к центру. – И не вся она на поверхности. Как штукатурка, знаешь ли. Снимешь один слой – а под ним другой. И не факт, что красивый.

Настя не ответила. Они подъехали к небольшому двухэтажному дому из темно-красного кирпича с вывеской «Под черёмухой». Из распахнутой двери пахло свежей выпечкой и зерновым кофе.

– Вот и мое царство, – с гордостью сказала Марина, выключая двигатель. – Жить будешь у меня, на втором этаже. Отдельная комнатка, вид на сад. Устроит архитектора с большими запросами?

– Устроит, – Настя почувствовала, как впервые за долгие месяцы уголки её губ дрогнули в настоящей, невымученной улыбке. – Спасибо, Мар.

Комната оказалась маленькой, но удивительно светлой, с низким потолком и окном во фруктовый сад, где голые ветви яблонь и вишен застыли в ожидании зимы. Вещи Настя распаковывала нехотя, будто боялась пустить здесь корни. Положила на комод единственную личную вещь – старую фотографию в деревянной рамке, где она, лет девяти, сидит на плечах у отца на фоне ещё не разрушенной усадьбы Роциных. Отец улыбался во весь рот. Тогда он ещё верил, что всё можно сохранить.

Спустившись вниз, в кофейню, она застала Марину за стойкой, где та с азартом взбивала молоко для капучино.

– Садись, сейчас будет фирменный «Возвращенческий» – с сиропом из тёрна и взбитыми сливками, – скомандовала Марина. – Рассказывай. Но по-честному.

Кофейня была пуста в этот предвечерний час. Только в углу дремал старик с газетой на коленях. Настя села за столик у окна, за которым начинал сгущаться сиреневый осенний сумрак.

– Что рассказывать, Мар? Всё как у всех. Работала день и ночь, строила карьеру. Думала, это важно.

– А оказалось?

– Оказалось, что можно идеально знать ГОСТы и СНиПы, выигрывать тендеры и делать безупречные проекты, но в один момент всё это становится бессмысленным, – Настя крутила в пальцах ложку, глядя, как та ловит отсвет медного абажура. – Когда понимаешь, что твою работу купили не для того, чтобы её воплотить, а для того, чтобы положить в стол и получить откат. Или чтобы изуродовать её «креативными» правками какого-нибудь олигарха-недоучки. Я устала быть высокооплачиваемым декоратором.

– И сбежала сюда, спасать нас от духовной нищеты, – усмехнулась Марина, ставя перед ней высокую кружку с ароматным паром.

– Не смейся. Для меня этот проект – последний шанс. Не на карьеру, – Настя сделала глоток, и терпкий, с горчинкой вкус напитка разлился теплом. – А на то, чтобы снова почувствовать, зачем я вообще этим занимаюсь. Чтобы что-то сохранить, а не имитировать.

Марина села напротив, и её лицо стало серьезным.

– Понимаешь, Насть, тут не всё так просто. Дом Рощина... он давно стоит. Полуразрушенный. Местные его и домом-призраком зовут. И не только из-за вида. Там история тёмная.

– В каком смысле?

– В прямом. После революции там чекисты располагались. Потом – детский дом, который сгорел при странных обстоятельствах в пятидесятых. Потом – склад, потом вообще ничего. Говорят, места там нехорошие. И последний частный владелец, ещё в девяностых, сбежал отсюда, сломя голову, что-то бормоча про «письма в стенах».

Настя почувствовала легкий холодок под лопатками, но тут же отогнала суеверия.

– Мифы и легенды. Старые дома всегда обрастают ими. Это даже хорошо – добавляет атмосферы будущему центру.

– Может быть, – Марина не стала спорить. – Но есть и более земные проблемы. Контракт на каменные работы и сложную реставрацию фасада выиграла местная мастерская. «Камень времени». Хозяин – Илья Савельев.

– И что в нем особенного?

– Савельевы – старинная семья в Кожино. Каменщики, резчики. Дед Ильин ещё эти самые наличники на доме Рощина резал, поговаривают. Но отец Ильи, Олег... с ним была какая-то тёмная история. Что-то связанное с растратами, кажется. Старик сейчас почти отшельником живёт, мрачный как туча. А Илья... Он сам – характер. Бывший военный, вернулся несколько лет назад, мастерскую открыл. Делает всё блестяще, руки золотые, но нрав... Говорят, упрямый как осёл и принципиальный до безобразия. Слово «компромисс» для него ругательное.

– Прекрасно, – Настя вздохнула. – Значит, будет с кем поспорить о методиках.

– А ещё есть инвестор, – продолжила Марина, понизив голос. – Не местный. Московский. Петр Ковалёв.

Имя ударило по воздуху, как хлопок двери на сквозняке. Настя замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица.

– Кто? – спросила она слишком тихо.

– Петр Ковалёв. Застройщик, инвестор. Именно он выкупил права на дом и выбил финансирование на реставрацию под культурный центр. Очень... представительный мужчина. Был тут на встрече с мэром пару недель назад. Все бабушки на районе до сих пор вспоминают его костюм.

У Насти зазвенело в ушах. Совпадение? Невозможно. Тот самый Пётр. Человек, который когда-то сказал ей, что «талант должен быть практичным», и который предпочёл её проект – их общий проект! – сделке с сомнительным чиновником. Человек, с которым у неё была короткая, ослепительная и в итоге унижительная история. Что ему нужно здесь, в этой глуши? Месть? Или просто выгодное вложение, и её имя всплыло случайно?

– Ты его знаешь? – пристально глядя на неё, спросила Марина.

– Мы... пересекались по работе в Москве, – с трудом выдавила Настя, надеясь, что голос не выдаст внутренней бури.

– Маленький мир, – философски заметила Марина, но во взгляде её читалось понимание, что за этой фразой кроется нечто большее. – Ну что ж, завтра тебе предстоит встреча и с принципиальным каменщиком, и, возможно, со старым знакомым. А сегодня – отдых.

Но отдыха не получилось. Позже, оставшись одна в комнате, Настя стояла у окна и смотрела на тёмный сад. В голове крутились обрывки мыслей: провал в Москве, холодные глаза

Петра, тёмная история дома, мрачный каменщик с тяжёлым наследием. Она приехала за спасением, а оказалась в паутине, сотканной из прошлого – и своего, и этого города.

Она подошла к чемодану и нащупала в боковом кармане маленький, потёртый блокнот. Её личный «дневник архитектора». На первой странице было написано: «Сохранить значит понять. Понять – значит почувствовать». Она открыла его на чистой странице и, взяв ручку, вывела дату. А потом, почти не думая, нарисовала контур дома с характерным фронтоном и эркером – Дома Рощина, каким она помнила его с детства. И каким видела на свежих, печальных фотографиях в техническом отчёте: с выщербленными стенами, заколоченными окнами и призрачной пустотой в глазницах проёмов.

За окном ветер усилился, зашелестел голыми ветвями, словно торопясь рассказать какую-то старую, забытую историю. Настя вздрогнула, почувствовав внезапный, иррациональный холод. Ей показалось, а может, и не показалось, что в глубине сада, за кружевом ветвей, на мгновение мелькнул слабый, жёлтый огонёк – будто в окне дальнего флигеля. Но, приглядевшись, она увидела только густую, непроглядную тьму.

Она закрыла блокнот. Завтра. Завтра она впервые за десять лет ступит на порог этого дома. Не как турист, не как ностальгирующая горожанка, а как тот, кто должен вдохнуть в него жизнь. Или разгадать его тайны. Или стать его следующей жертвой. Эта мысль, тревожная и неотвязная, засела где-то глубоко внутри, когда она ложилась в чужую, пока ещё неудобную кровать.

А за стенами дома, в сыром октябрьском мраке, старый город спал, храня под слоями времени и штукатурки свои письма. Ожидая того, кто начнёт их читать.

Глава 2. Камень преткновения.

Утро началось с обманчивого осеннего солнца, которое заливало комнату Насти жидким янтарём. Она проснулась с ощущением странной пустоты, как будто её московская жизнь осталась где-то за горизонтом, в другом измерении. Первым делом проверила телефон – ни новых сообщений, ни рабочих писем. Тишина была оглушительной. В Москве в это время уже кипел день: конференц-звонки, беготня по инстанциям, нервный кофе из бумажных стаканчиков. Здесь же было слышно лишь карканье ворон в саду и отдалённый гудок поезда.

Марина, уже бодрая и пахнущая корицей, накормила её завтраком – сырники с малиновым вареньем собственного приготовления.

– Не смотри на меня так, как на врага, – сказала она, заметив, как Настя ковыряет вилкой в тарелке. – Поешь. Сегодня тебе понадобятся силы. Илья Савельев – не тот, с кем можно встречаться на голодный желудок. У него взгляд бурового сверла.

– Ты его хорошо знаешь? – спросила Настя, всё же откусив кусочек. Варенье оказалось удивительно вкусным, терпким и не приторным.

– Знакомы. Он иногда заходит за кофе. Молча выпивает эспрессо у стойки, смотрит в окно и уходит. Разговаривает мало. Но раз попыталась посплетничать про одну местную дамочку, так он так холодно на меня посмотрел, что я неделю отогревалась. Сказал: «Марина, у меня работа есть, и у вас, наверное, тоже». Вот такой.

Настя вздохнула. Воспитать в себе дипломатию – вот её задача на сегодня.

Дом купца Рощина стоял в самом сердце старого города, на пересечении улицы Ленина и тихого Соборного переуллка. Когда-то это было самое престижное место: трёхэтажное кирпичное здание в стиле эклектики с элементами псевдорусского стиля – кокошники над окнами, фигурная кладка, массивный эркер, поддерживаемый каменными консолями в виде сказочных зверей. Теперь же дом напоминал величественного, но смертельно раненного зверя. Окна были забиты щитами, на фасаде зияли трещины, как шрамы, а по стенам ползла чёрная плесень, словно траурный креп. От некогда роскошного парадного крыльца остались лишь обломки ступеней, покрытые жёлтой опавшей листвой.

Но даже в таком состоянии дом имел мрачное достоинство. Он владел пространством вокруг себя, заставляя современные двухэтажные постройки казаться картонными декорациями. Настя остановилась напротив, достала планшет и сделала несколько снимков. Её архитекторский взгляд автоматически анализировал: фундамент, судя по всему, не тронут; кровля частично обрушена; главная проблема – южная стена, где кладка начала «выпирать». Требуется серьёзное укрепление.

От дома пахло сыростью, тлением и временем. И ещё чем-то металлическим – сваркой, резкой камня. Звуки доносились со стороны двора: ритмичный стук, скрежет, приглушённые мужские голоса.

Обойдя здание по скользкой от влаги брусчатке, Настя вышла во внутренний двор. Здесь царила иная картина – оживлённая, почти воинственная. Под навесом из синего брезента был развернут временный цех. Стояли станки: отрезной по камню, шлифовальный. Рядом – аккуратные штабели песчаника, известняковых плит, деревянные ящики с инструментом. В воздухе висела мелкая белая пыль, оседающая на всё вокруг тонкой вуалью.

Двое мужчин работали у огромной каменной глыбы, установленной на стальных козлах. Молодой парень в заляпанных краской рабочих штанах и серой толстовке орудовал болгаркой, от которой во все стороны летели снопы искр. А второй мужчина, постарше, стоял рядом, внимательно изучал что-то в поверхности камня, проводя по ней пальцами, будто читая шрифт Брайля.

Это должен был быть Илья Савельев. Настя сразу это поняла. Не по фотографии – её она не видела. По осанке. Спина прямая, плечи развёрнуты, даже в простой рабочей куртке чувствовалась выправка, не оставляющая сомнений в его военном прошлом. Он был высокого роста, широк в кости, с руками, которые казались созданными для физического труда – с длинными пальцами, сильными суставами. Волосы тёмные, коротко стриженные, на висках – проседь. Когда он поднял голову, услышав её шаги, Настя увидела лицо – некрасивое в привычном смысле, с резкими чертами, сильным подбородком и глубокой складкой между бровей. Но глаза... Светло-серые, почти прозрачные, как дымчатый кварц. В них было странное сочетание сосредоточенности и отстранённости. Взгляд бурового сверла, как говорила Марина. Точнее не скажешь.

– Ищу Илью Савельева, – сказала Настя, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и деловито.

Мужчина не ответил сразу. Он закончил проводить рукой по камню, что-то про себя оценив, и только потом медленно повернулся к ней целиком.

– Я Савельев. А вы, полагаю, наш новый главный архитектор? Анастасия Орлова. – Голос у него был низкий, немного хриловатый, без намёка на приветливость.

– Да. Приятно познакомиться. Думала, застану вас в строительном вагончике или на объекте внутри, – Настя сделала шаг вперед, протягивая руку для делового рукопожатия.

Он посмотрел на её руку, затем медленно, будто нехотя, снял плотную рабочую перчатку и пожал её. Ладонь была твёрдой, шершавой от камня и мозолей, но хватка – точной, без лишнего давления.

– Внутри пока делать нечего. Там обмеры, расчёты, ваша часть. А моя начинается здесь, – он кивнул на камень. – С материала. Камень нужно понять, прежде чем его резать.

– Я вижу, вы уже начали, – Настя кивнула на глыбу и молодого парня, который выключил болгарку и с нескрываемым интересом их разглядывал. – Но у меня есть утверждённый проект и спецификации по материалам. В частности, для воссоздания утраченных элементов карниза требуется песчаник определённой плотности и цвета. Я надеюсь, образцы были согласованы?

Илья Савельев медленно выдохнул, и в его глазах мелькнуло что-то, что Настя с её опытом сразу распознала как раздражение профессионала, которому диктуют условия «сверху».

– Образцы были. Но образец – это кусок размером с ладонь. А глыба – это история. Вот смотрите.

Он подошёл к камню и снова провёл рукой по срезу. Настя приблизилась. Поверхность была неоднородной: слои разных оттенков серого и бежевого, вкрапления окаменелых раковин, тонкие прожилки ржавого цвета.

– Этот камень из того же карьера, что и исторический. Но карьер – не принтер, госпожа Орлова. Каждая пласта – как страница в книге. Одна – плотная, идеальная для нагрузки. Другая – пористая, с включениями. Если слепо пилить по утверждённым размерам, можно получить элемент, который через два года рассыплется от мороза или потянет влагу, как губка. Нужно «читать» камень. Находить в глыбе место для каждой детали.

Это была поэзия. Но поэзия, идущая вразрез с графиком и сметой.

– Я понимаю вашу точку зрения, – начала Настя, выбирая слова. – Но у нас есть инженерный расчёт нагрузок и чёткие технические требования. Проект прошёл историко-культурную экспертизу. Отклонения от согласованных параметров могут повлечь проблемы при приёмке.

– Приёмка, – он произнёс это слово так, будто оно было горьким на вкус. – Главное – чтобы бумаги сошлись. А что будет с домом через десять лет – это уже никого не волнует, да?

В его тоне прозвучала такая горькая, выстраданная уверенность, что Настя на мгновение сбилась.

– Меня волнует, – твёрдо сказала она. – Именно поэтому я здесь. Но есть технология. Есть правила сохранения объектов культурного наследия. Мы не можем действовать только по наитию.

– Наитие? – Он усмехнулся, и это было невесело. – Хорошее слово для того, что складывается из тридцати лет семейного опыта и семи лет собственной работы. Я не «наиваю», госпожа Орлова. Я знаю. Видел, как «правильные» проекты, сделанные по всем вашим ГОСТам, превращались в руину, потому что архитектор в глаза не видел живой камень, а работал только с цифрами в компьютере.

Спор набирал обороты, и молодой парень, наблюдавший за ними, закашлял, явно пытаясь сдержать смех или смущение.

– Витя, – резко обернулся к нему Илья. – Проверь, подвезли ли нам тот известняк для цоколя. И прибери здесь.

Парень – Витя – кивнул и поспешил удалиться, бросив на Настю последний любопытный взгляд.

– Послушайте, – Настя попыталась взять другой тон, более примирительный. – Мы с вами на одной стороне. Мы оба хотим спасти этот дом. Давайте начнём с начала. Покажите мне, что вы уже сделали, какие проблемы видите. У меня с собой полный комплект чертежей.

Илья помолчал, изучая её. Казалось, он взвешивал её искренность.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Пойдёмте, я покажу, где начинаются настоящие проблемы. Там, где ваш компьютерный расчёт, возможно, не справился.

Он повёл её к заднему фасаду дома, туда, где стена примыкала к старой кирпичной ограде. Здесь разрушения были наиболее серьёзными. Часть стены явно просела, кладка разошлась веером трещин.

– Видите этот «пуз»? – Илья указал на выпирающий участок. – Это не просто деформация. Это следствие старой, ещё дореволюционной ошибки. Дренаж здесь был сделан неправильно, вода подмывала фундамент десятилетиями. Ваш проект предлагает инъектирование трещин и внешнее армирование. Я же считаю, что нужно вскрывать участок, смотреть на состояние фундамента, возможно, делать локальную подливку. Это дольше, дороже, но наверняка.

Настя присела на корточки, рассматривая кладку вблизи. Он был прав. На чертежах этот участок был обозначен как «локальная деформация», решение было стандартным. Но масштаб «пуза» вживую пугал.

– У вас есть расчёты? Предполагаемая глубина проблемы?

– Есть опыт, – ответил он просто. – И логика. Можно замазать, конечно. Будет красиво. А через пару лет эту стену, возможно, придётся разбирать и складывать заново. Уже с моими потомками.

Он говорил о доме, как о живом существе, которому можно навредить неосторожным вмешательством. И в этом была своя, железная правда. Но правда Насти была иной.

– У нас нет времени и, откровенно говоря, денег на такие фундаментальные вмешательства без полного обследования, – сказала она, поднимаясь. – Бюджет расписан до копейки, график жёсткий. Инвестор ждёт результатов. Если мы начнём копать фундамент, проект уйдёт в штопор.

– Инвестор, – повторил Илья, и его лицо стало каменным. – Ага. Пётр Ковалёв. Он уже звонил. Интересовался, почему мы ещё не начали «преображение» фасада. Спросил про возможность добавить «пару симпатичных фонариков в стиле лофт».

Настю сковало холодом. Пётр уже здесь, уже влияет. И его влияние чувствовалось в каждом слове Ильи, в его настороженности.

– Я поговорю с ним, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Но пока мы работаем по утверждённому проекту. Ваша задача – подготовить каменные элементы для реставрации фасада согласно тем самым спецификациям. По поводу этого участка... – она снова

взглянула на зловещий «пуз». – Я внесу изменения в проект, закажу дополнительное обследование. Но это требует времени.

– Время, – Илья покачал головой. – У этого дома время кончилось лет двадцать назад. Сейчас идёт отсчёт до полного обрушения. Или до того момента, когда его просто снесут за ветхостью.

Разговор зашёл в тупик. Они стояли друг против друга в тени старого дома, и пропасть между их подходами казалась глубже любой трещины в стене. Настя чувствовала разочарование. Она приехала работать с профессионалами, а столкнулась с упрямым ремесленником, который, казалось, презирал всю систему, в которой она существовала.

– Я пришлю вам официальное, дополненное техническое задание к концу дня, – сказала она, возвращаясь к деловому тону. – И прошу придерживаться его. Если у вас есть аргументированные возражения – предоставьте их в письменном виде, с расчётами. Мы их рассмотрим. Но неофициальные «я знаю» – не аргумент.

Илья Савельев снова смерил её тем пронзительным, холодным взглядом.

– Как скажете, главный архитектор. Будем работать по бумажкам. – Он надел перчатку, давая понять, что разговор окончен. – Витя покажет вам, где будут стоять леса. И, кстати, будьте осторожны внутри. Полы гнилые, а на втором этаже, в угловой комнате, по слухам, ещё со времён детдома никто не был. Местные говорят, там «нечисто».

Последнюю фразу он произнёс без тени улыбки, совершенно серьёзно. И это прозвучало не как суеверие, а как мрачное предупреждение.

– Я архитектор, а не охотник за привидениями, – отрезала Настя и, кивнув, направилась обратно во двор, где её уже ждал оживлённый Витя.

Пока парень показывал ей разметку под леса, оживлённо комментируя каждое действие («А тут, Настась... Анастасия Сергеевна, мы вот эту стену будем чистить под микроскопом, буквально! Илья Игнатьич не позволяет и пылинки лишней оставить!»), Настя лишь вполуха слушала. Её мысли были заняты двумя вещами: упрямым, как скала, Савельевым и тенью Петра Ковалёва, уже нависшей над проектом.

Вернувшись в кофейню к обеду, она обнаружила на столике у окна свой ноутбук и стопку распечатанных чертежей, которые привезла с собой. Марина принесла ей суп.

– Ну как, осталась в живых после встречи с нашим суровым реставратором?

– Он... сложный, – призналась Настя, снимая тёплое, но уже промокшее по краям пальто.

– А я тебе говорила. Что, поспорили?

– Ещё как. Он хочет всё переделывать, исходя из своего «чутья камня», а я должна укладываться в бюджет и сроки.

– Знаешь, – Марина присела напротив, – я тут подумала. Может, он не просто упрямится? Савельевы этот дом как свою больную совесть воспринимают. Дед Ильи работал здесь, когда дом был ещё жилым. А потом... потом что-то случилось. И дом опустел. Говорят, старик Савельев, Олег, винил себя. Может, Илья теперь хочет всё исправить, но по-своему? Идеально.

Мысль была интересной. Но Настя не была склонна к романтизации. Скорее всего, это обычное профессиональное тщеславие.

Она провела остаток дня, погружившись в чертежи и расчёты, пытаясь найти компромиссные решения по проблемному участку стены. Солнце уже садилось, окрашивая комнату в багровые тона, когда в кофейню вошёл незнакомый мужчина. Высокий, в идеально сидящем тёмно-синем пальто, с дорогой кожаной сумкой через плечо. Он оглядел зал, и его взгляд остановился на Насе.

И тут же, как от удара током, она его узнала. Несмотря на годы. Пётр Ковалёв.

Он изменился – стал более отточенным, уверенным в своей неотразимости. Слегка посеребрённые виски только добавляли шарма. Он улыбнулся той улыбкой, которая когда-то заставляла её сердце биться чаще, а теперь вызвала лишь спазм в желудке.

– Анастасия. Какая неожиданная и приятная встреча. Хотя, кто бы сомневался, что ты окажешься в самом уютном месте этого городка, – он подошёл к её столу без приглашения. Его голос был тёплым, бархатным, пропитанным фамильярностью, которую они не заслужили.

– Пётр, – Настя кивнула, стараясь сохранить ледяное спокойствие. – Марина сказала, ты инвестор проекта. Совпадение.

– Судьба, – поправил он, снимая пальто и вешая его на спинку соседнего стула. – Можно?

– У меня работа.

– Всегда работа, – он вздохнул с наигранной печалью, но сел. – Я рад, что ты на проекте. Искренне. После всей той... неразберихи в Москве, я думал, ты исчезнешь из профессии. А тут – такой шанс. Возродить настоящий памятник. И, надеюсь, возродить наши профессиональные отношения.

– Наши профессиональные отношения закончились, когда ты продал наш общий проект тому идиоту из мэрии, даже не поставив меня в известность, – тихо, но чётко сказала Настя.

Пётр сделал вид, что огорчён.

– Настя, Настя... Это был бизнес. Сложное решение. Ты знаешь, я всегда восхищался твоим талантом, но твоя принципиальность... она иногда граничит с самоубийством. Здесь же всё иначе. Здесь мы можем сделать что-то прекрасное. Без ненужного фанатизма. Кстати, как наш грозный реставратор? Савельев? Уже успел показать свой знаменитый характер?

– Мы познакомились, – уклончиво ответила Настя.

– Держись от него подальше в вопросах, выходящих за рамки его молотка и зубила, – голос Петра потерял теплоту, стал деловым. – У него свои тараканы в голове, связанные с этим домом. Отец его, Олег, когда-то тут работал сторожем, после того как его выгнали с прежней работы за растрату. Есть подозрение, что старик что-то припрятал в доме. Или знает, где что-то припрятано. Илья, возможно, ищет не просто так.

Это было ново. И тревожно.

– Что он может искать?

– Кто знает? Семейные реликвии? Документы, оправдывающие отца? – Пётр пожал плечами. – Неважно. Важно, чтобы он делал свою работу и не лез в мою. И в твою. Ты здесь – главный. Помни об этом. А я помогу тебе, как всегда. – Он потянулся через стол и положил свою руку на её. Рука была тёплой, влажным отпечатком вторжения.

Настя резко отдернула свою.

– Мне не нужна помощь, Пётр. Мне нужны чёткие условия и невмешательство в технические процессы.

– Как пожелаешь, – он улыбнулся, но в глазах что-то промелькнуло – холодное, расчётливое. – Тогда до завтра. Завтра у нас встреча у мэра. Официальное представление проекта прессе и горожанам. Приготовься к вопросам. И, Настя... – он встал, надевая пальто. – Рад тебя видеть. По-настоящему.

Он ушёл, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и тяжёлое, тревожное чувство. Настя смотрела на дверь, которую он закрыл за собой. «Держись от него подальше... У него свои тараканы...» Кому верить? Упрямому каменщику с его мрачными предчувствиями? Или гладкому инвестору с тёмными налётами и тёплыми руками?

Она собрала бумаги. Ей нужно было закончить расчёты. Но мысли путались. Вместо цифр перед глазами стояло лицо Ильи Савельева, когда он водил рукой по камню. И его слова: «...там «нечисто»».

Было уже темно, когда она, наконец, оторвалась от работы. Марина закрывала кофейню.

– Видела, твой бывший заходил, – сказала она без предисловий, вытирая стойку. – Осанка как у короля. Напустил духов на весь зал.

– Он не бывший. Он был... деловым партнёром.

– Ага, – скептически протянула Марина. – С такими глазами, как у тебя сейчас, обычно «деловых партнёров» не вспоминают. Будь осторожна, Настя. Он не просто так здесь.

– Я знаю.

Поднявшись в комнату, Настя не смогла заснуть. Она подошла к окну и снова посмотрела в сторону Дома Рощина. На фоне тёмного неба его силуэт казался ещё более грозным и одиноким. И вдруг – ей показалось, или нет? – в одном из окон второго этажа, в той самой угловой комнате, о которой говорил Илья, мелькнул слабый, короткий проблеск света. Не электрический, а скорее, как от спички или свечи. На секунду. И погас.

Настя замерла, прижавшись лбом к холодному стеклу. Ветер за окном выл, раскачивая голые ветви, и этот звук сливался с шёпотом собственной крови в ушах.

Камень преткновения. Не только профессиональный. Атмосфера тайны, окутавшая дом, сгущалась. И она, Анастасия Орлова, оказалась в самом её центре. Завтра – встреча с мэром, публика. А сегодня... сегодня она думала о том, что нужно как можно скорее попасть внутрь. Не с инженерным расчётом, а просто так. Посмотреть в глаза этому дому. И, возможно, понять, что же он от неё хочет.

Она отвернулась от окна, но чувство, что за её спиной, в темноте, кто-то только что зажжёт свет, чтобы его увидели, не отпускало до самого утра.

Глава 3. Разговор по душам за вишнёвым пирогом.

В кофейне «Под черёмухой» пахло вечером. Это был особый, многослойный запах: остывший кофе, воск свечей, сладкая пыль с печки, в которой догорали поленья, и едва уловимая горчинка осенней сырости, пробивающаяся сквозь щели в старых рамах. Марина зажигала свечи в стеклянных банках, расставленных на подоконниках и столах, превращая маленькое пространство в уютную пещеру света, отгораживающую от темноты, сгущавшейся за окнами.

Настя сидела за своим привычным столиком в углу, глядя, как пламя колыхнется, отбрасывая танцующие тени на стены, украшенные вышитыми салфетками и старыми чёрно-белыми фотографиями Кожина. На одной из них она узнала себя – лет десяти, с двумя косичками, на фоне того самого Дома Рощина, ещё не такого разбитого. Её отец держал её на плечах. Сердце сжалось от внезапной, острой боли. Она отвела взгляд.

– Вот и он, красавец, – Марина поставила перед ней широкую тарелку. На ней лежал кусок пирога такого тёмно-рубинового цвета, что он казался куском ночи. Пар поднимался от него, неся с собой аромат спелой вишни, ванили и свежего теста. – «Возвращенческий» пирог. Рецепт моей бабки. Говорила, он помогает тем, кто вернулся, снова почувствовать вкус дома. Даже если они этого не хотят.

– Спасибо, Мар, – Настя улыбнулась, но улыбка получилась усталой. День был долгим и эмоционально выматывающим. Встреча в мэрии, где она представляла проект сжатым горожанам и немного агрессивным местным журналистам. Взгляды, полные скепсиса: «Москвичка приехала нас спасать». Вопросы о деньгах, о сроках, о том, не станет ли культурный центр ещё одним пустым сараем для галочки. И Пётр, стоявший рядом, со своей гладкой, уверенной речью, ловивший на себе восхищённые взгляды чиновниц и перехватывавший инициативу в ответах. Илья Савельев присутствовал тоже – стоял у стены, молча, с каменным лицом, и лишь раз, когда зашла речь о замене исторической кровли на «лёгкий и долговечный современный материал», он хмыкнул так громко, что все обернулись. Его молчание было красноречивее любых слов.

– Вижу, день был не сахар, – констатировала Марина, садясь напротив с собственной чашкой чая. – Рассказывай. С мэрией как?

– Как обычно. Сомнения, вопросы, надежды. Лидия Ивановна старается, но видно, что её разрывают между желанием сделать для города что-то стоящее и давлением сверху... и, вероятно, снизу тоже.

– Снизу – это от нашего уважаемого Василия Семёновича, председателя совета ветеранов? Он уже лет двадцать борется за то, чтобы в Доме Рощина сделали музей боевой славы. И чтоб обязательно с его портретом при входе.

Настя слабо усмехнулась.

– Что-то в этом роде. А ещё были вопросы, не собираемся ли мы сделать «стеклянную пристройку в духе времени». Кажется, кто-то уже успел посеять сомнения.

– Петр? – спросила Марина прямо.

Настя вздохнула, отломив кусочек пирога. Он таял во рту, кисло-сладкий, с хрустящей корочкой по краям. Вкус детства. Настоящий, не поддельный.

– Он... присутствовал. Активно. Но дело не только в нём. Просто я снова почувствовала себя чужой. Приезжей, которая лезет со своими правилами в чужой монастырь.

– А ты и есть приезжая, Насть, – мягко сказала Марина. – Ты уехала. Десять лет – это срок. Город живёт без тебя. Привык. А теперь ты возвращаешься и начинаешь менять одну из его главных доминант. Естественно, будут коситься.

– Я знаю. Просто... я думала, будет по-другому. Что я привезу сюда что-то хорошее. А чувствую себя оккупантом.

Марина внимательно посмотрела на неё, потом встала и принесла из-за стойки небольшую бутылочку и две рюмки.

– Это тоже бабкин рецепт. Вишнёвая наливка. С мёдом. От тоски по дому и от иллюзий. – Она налила понемногу в толстые стеклянные рюмочки. Тёмно-рубиновая жидкость казалась жидким бархатом.

Они выпили. Напиток обжёг горло теплом, которое разлилось по всему телу, смягчая острые углы напряжения.

– Ты знаешь, почему я вернулась сюда и открыла эту кофейню? – спросила Марина, глядя на пламя свечи. – После института, после того как пробовала «строить карьеру» в региональной столице.

– Ты говорила, что устала от города.

– Устала не от города. Устала от того, что я там была никем. Ещё одним винтиком. А здесь... Здесь я – Марина Белова. Дочь Ивана Белова, который в девяностых спас от голодной смерти пол-улицы, делясь картошкой со своего огорода. Внучка Ольги Беловой, которая в войну выхаживала раненых в том самом Доме Рощина, когда там был госпиталь. Здесь у меня есть история. Она тяжелая, порой неудобная, но она моя. И этот пирог, и эта наливка – часть её. Ты же от своей истории убежала. И теперь она тебя догоняет. И кусает за пятки.

Настя отпила ещё глоток наливки. Слова подруги били точно в цель.

– От какой истории я убежала, Мар? От того, что мой отец, идеалист и краевед, спился от бессилия, потому что не мог ничего сохранить? От того, что моя мать уехала от нас обоих, потому что устала бороться с ветряными мельницами? Или от того, что я сама оказалась недостаточно сильной, чтобы всё это принять, и просто сбежала в Москву, где можно было быть просто «Анастасией Орловой, архитектором», без этого груза?

Говорить об этом было больно. Она десятилетиями строила внутри себя защитную стену, слой за слоем, как ту самую штукатурку. И теперь Марина неспешно, с вишнёвым пирогом и наливкой, начала эту стену простукивать.

– От всего сразу, – тихо сказала Марина. – Но в первую очередь – от стыда. Ты стыдилась их слабости. Их поражения. И теперь боишься, что, вернувшись, потерпишь поражение сама. И станешь такой же, как они.

Тишина повисла в воздухе, густая, как запах воска. Настя смотрела на свои руки, сжимавшие рюмку. Руки матери были такими же – длинные пальцы, выступающие косточки. Мать, которая умела так красиво рисовать акварели, но чьи краски со временем только пахли дешёвым портвейном и тоской.

– А что, если я уже стала? – прошептала она. – Что, если мой провал в Москве – это не случайность? Что, если это наследственное? Неумение удержать, сохранить, довести до конца?

– Бред, – резко сказала Марина. – Твой отец боролся за каждый кирпич в одиночку. Ты же приехала с ресурсами, с проектом, с командой. Пусть и с противным инвестором и упрямым каменщиком. Это другая история.

– Команда... – Настя усмехнулась. – Илья Савельев считает меня бюрократом от архитектуры. А я его – упрямым дилетантом с манией величия.

– А он дилетант?

Вопрос застал врасплох.

– Нет, – честно признала Настя после паузы. – Нет, он профессионал. Глубокий, въедливый. Он видит дом... иначе. Не как набор конструкций, а как целостный организм. И это пугает. Потому что если он прав в своих предостережениях, то мой проект – лишь косметика. А дому нужна операция, на которую нет денег и времени.

– Так поговори с ним. Не как главный с подрядчиком, а как два специалиста.

– Он не хочет разговаривать. Он хочет, чтобы ему дали делать так, как он считает нужным. А я не могу. На мне ответственность. И... Пётр.

При упоминании этого имени Марина нахмурилась.

– Что с ним, Настя? По-настоящему. Ты так и не рассказала.

Настя откинулась на спинку стула, закрыв глаза. Вишнёвая наливка делала воспоминания более резкими, болезненными.

– Это был не роман. Это была... ошибка. Я была молода, впечатлительна. Он – успешен, обаятелен, казался тем самым рыцарем на белом коне, который вывезет меня из мира провинциальных комплексов в мир больших возможностей. Мы работали над одним проектом. Он был старшим партнёром. И... он использовал мой энтузиазм, мои идеи. А потом, когда дело дошло до принятия решений, просто выкинул меня за борт. Продал проект вместе с моими наработками, даже не поставив меня в известность. А когда я пришла выяснять, он посмотрел на меня так, будто я надоедливая муха, и сказал: «Настя, не будь ребёнком. В бизнесе нет места сантиментам. Твои идеи были хороши, но непрактичны. Я их... адаптировал».

Она открыла глаза. Марина смотрела на неё с болью и гневом.

– Мерзавец.

– Нет. Просто деловой человек. А я была дура, которая приняла деловую любезность за личный интерес. Самое противное, что он, кажется, искренне не понимает, почему я до сих пор «дуюсь». Для него это была просто сделка. А для меня... – она не договорила. Для неё это было предательством не только профессиональным, но и глубоко личным. Ударом по последним остаткам веры в людей.

– И теперь он здесь. И он снова твой босс, по сути.

– Да. И он снова что-то замышляет. Я это чувствую. Он говорил что-то про отца Ильи, про то, что тот что-то ищет в доме. Он пытается настроить меня против Савельева.

– А зачем ему это?

– Не знаю. Может, боится, что Илья со своим упрямством помешает быстрому и эффективному, но некачественному ремонту. Петру нужен красивый фасад для отчёта перед вышестоящими и для пиара. Глубокое, долгое, дорогое восстановление ему невыгодно.

Марина задумчиво покрутила рюмку в пальцах.

– Знаешь, я тут вспомнила одну историю. Старую. Её мне тётка рассказывала, когда я была маленькой. Про Дом Рощина и про Савельевых.

Настя насторожилась.

– Какую?

– Что, когда дом после революции национализировали, там жил управляющий банком, некий Орлов. Да-да, твоя фамилия. Не родственник ли?

Настя похолодела.

– Мой прадед, кажется, был из купеческой ветви, но он уехал до революции. А его брат... я мало что знаю. В семье про это не говорили.

– Так вот, – продолжила Марина, понизив голос, будто в кофейне могли быть посторонние уши, – этот Орлов, говорят, был человеком странным. Коллекционировал старинные документы, письма. И когда чекисты пришли его арестовывать, он успел что-то спрятать. Что-то очень важное. И поговаривают, что помог ему в этом молодой каменщик, который как раз работал в доме – ремонтировал печи. Фамилия каменщика была Савельев. Дед Ильи, получается.

В голове у Насти что-то щёлкнуло. Письма. Пётр намекал, что старик Савельев что-то ищет. А теперь эта история...

– И что? Эти бумаги нашли?

– Кто их знает. Орлова забрали, он сгинул в лагерях. А Савельев... Дед Ильи после этого как отрезало. Стал мрачным, неразговорчивым. Дом потом много раз переходил из рук в руки, но слухи про спрятанные сокровища или документы жили. Может, Илья правда что-то ищет? Не золото, а... правду какую-то. Семейную.

Настя чувствовала, как пазл начинает складываться, но картина вырисовывалась тревожная и неясная. Её собственная семья, Савельевы, пропавшие документы, загадочный дом... И она, как слепая, ввязалась в эту историю.

– Надо поговорить с отцом Ильи, – вдруг сказала она вслух.

– С Олегом? – Марина засмеялась без веселья. – Удачи. Он с чужаками и двумя словами не свяжет. А ты для него – главный враг, московская выскочка, которая хочет замазать дом побелкой.

– Тогда с самим Ильёй. Начистоту.

– После вашего «тёплого» общения? Он тебе ничего не скажет.

В этот момент дверь в кофейню открылась, впуслав порок холодного влажного воздуха. На пороге стоял Илья Савельев.

Он был в той же рабочей куртке, но теперь поверх неё был надет тёмный свитер. В руках он держал небольшой холщовый мешок. Увидев их, он слегка замер, будто не ожидал увидеть Настю.

– Марина, добрый вечер, – кивнул он, его взгляд скользнул по Насте, но не задержался. – Забегу за молотым. Тот, что с Сулажских холмов.

– Игнатъич, конечно, – Марина вскочила, направляясь за стойку. – Присаживайся, чайку налью. С дороги-то.

– Не стоит, я не надолго, – но он сделал шаг вглубь зала, его взгляд упал на недоеденный пирог и рюмки. – Банкет?

– Душевный разговор, – ответила за Настю Марина. – Присоединяйся. Пирушку устроили по поводу того, что Настя сегодня героически отбивалась от нападков в мэрии.

Илья, казалось, колебался. Потом неожиданно кивнул и пододвинул стул с соседнего столика.

– Почему бы и нет. Если не помешаю.

Настя чувствовала себя неловко. Всего несколько часов назад они были по разные стороны баррикад. А теперь сидели за одним столом при свечах. Марина принесла ещё одну рюмку, чашку чая и поставила перед Ильёй тарелку с пирогом.

– Угощайся. Отказываться от бабкиного пирога – грех.

Илья взял вилку, отломил кусочек, попробовал. Его суровое лицо на мгновение смягчилось.

– Как у моей бабки Анфисы получалось. Она тоже такую стряпала.

– Может, и рецепт один был? – подмигнула Марина. – У нас в Кожине все друг другу троюродные братья, так или иначе.

Настя воспользовалась паузой.

– Илья, насчёт сегодняшнего... – начала она.

– Забудьте, – он отрезал, не глядя на неё. – Рабочие моменты. Вы защищаете свой проект, я – своё понимание работы. Ничего личного.

– Но это же неправильно, – настаивала Настя. – Мы должны найти общий язык. Не как начальник и подчинённый, а как... коллеги. Я сегодня задумалась над вашими словами о фундаменте. Вы, возможно, правы.

Теперь он посмотрел на неё. Его серые глаза в свете свечи казались тёплыми, почти янтарными.

– «Возможно» – ключевое слово, – сказал он, но без прежней колкости. – А вы правы насчёт сроков и бюджета. Мир не идеален. Приходится лавировать.

– А вы не любите лавировать.

– Не люблю, – просто согласился он. – Потому что камень не лавирует. Он либо держит, либо нет. Ложь в фундаменте всегда вылезает наружу. Трещинами.

– Вы о доме или в принципе? – спросила Марина, подливая ему наливки.

Илья выпил залпом, поморщился.

– Обо всём. Дом – он как человек. Всю неправду, всё, что скрывали, рано или поздно показывает. Штукатурка осыпается, краска слезает, и видна настоящая кладка. Со всеми её косяками и заплатками.

Разговор пошёл не так, как планировала Настя, но иначе – глубже, искреннее. Они говорили о городе, о ремёслах, которые умирают, о том, как сложно сохранить аутентичность в мире, где всё покупается и продаётся. Илья говорил мало, но метко. И Настя с удивлением обнаружила, что слушает его не как оппонента, а как интересного собеседника, чьи ценности, пусть и выраженные грубее, ей близки.

– Марина рассказала мне одну старую историю, – осторожно, поддавшись теплу наливки и неожиданной атмосфере доверия, начала Настя. – Про моего возможного родственника, Орлова, который что-то прятал в доме, и про каменщика Савельева, который помогал.

Наступила тяжёлая пауза. Все тепло внезапно выветрилось из взгляда Ильи. Его лицо снова стало замкнутым, каменным.

– Городские сказки, – отрывисто сказал он. – Бабки у подъезда любят такие истории пересказывать.

– Но в каждой сказке есть доля правды, – не отступала Настя. – Ваш отец... он что-то ищет в том доме?

Илья медленно поставил рюмку на стол. Звук был чётким, почти угрожающим.

– Моя семья и ваш проект, госпожа Орлова – это разные вещи. Не стоит их смешивать. Отец... у него свои тараканы. Старые обиды. К вашему дому он отношения не имеет. – Он встал. – Спасибо за угощение, Марина. Кофе, пожалуйста, возьму с собой. Мне ещё на объект нужно. Забыл инструмент.

Он был явно неискренен. Его уход был бегством. Марина, вздохнув, пошла за стойку упаковывать кофе.

Настя сидела, чувствуя, как снова нарастает стена непонимания. Она почти дотронулась до чего-то важного, и он резко захлопнул дверь. Марина вернулась с пакетом, Илья взял его, кивнул на прощание и вышел, не глядя на Настю.

– Ну что, промах? – спросила Марина.

– Не знаю. Но он что-то скрывает. И это связано с домом. И, возможно, с моей семьёй.

Мара, размышляя о чём-то своём, вдруг спросила, будто только что вспомнив:

– Кстати, ты с его тыловым командованием уже пересекалась?

Настя, слегка уставшая от вина и разговоров, с недоумением посмотрела на подругу:

– С чьим? Ты про Илью? Видела только его и парнишку-помощника.

– Ну да, Витя, – кивнула Мара. – А ещё у него есть Таня Соколова. Это, можно сказать, альфа и омега его мастерской. Если Илья – это руки и идеи, то она – мозг, калькулятор и бронежилет в одном флаконе. Всё, что касается денег, бумаг и договоров, лежит на ней.

– Партнёр? – уточнила Настя, с интересом приоткрыв глаза. Деловая хватка в этом городе её всё ещё удивляла.

– Не в юридическом смысле. Но по сути – да, – Мара сделала глоток вина. – Говорят, она из Питера, устала от корпоративных игр. Вернулась, нашла Илью с его развалюхой-мастерской и за пару лет вывела её в плюс и в график. Он в своих камнях живёт, а она делает так, чтобы он мог этим заниматься. Без неё «Камень времени» давно бы стал «камнем на шее».

Настя мысленно отметила эту информацию. Образ Ильи-одиночки слегка пошатнулся.

– И как она? Строгая бухгалтерша?

Мара усмехнулась:

– Железная леди, но со своими принципами. Мой знакомый у Ильи работал, так рассказывал: с ней страшнее, чем с любым прорабом, потому что она видит все косяки в смете за секунду. Но если работа сделана честно – она своего человека в обиду не даст и послед-

нее выбьет, чтобы зарплату выплатили. Сила. Тебе, думаю, по документам проекта с ней и общаться чаще всего придётся.

– Поняла, – кивнула Настя, добавляя в свой внутренний список новое имя: Таня Соколова. Бронежилет. – Интересный тандем.

– Очень, – согласилась Мара, поднимаясь, чтобы начать собирать со стола пустые тарелки. – И запомни: если нужно будет срочно что-то решить по объекту, а Илья впал в свой «каменный транс» – ищи её. Через Танину голову всё часто идёт быстрее.

Они допили наливку в тишине. Вечер, начавшийся с ностальгии и боли, закончился новой загадкой. Настя понимала, что просто так Илья ей не откроется. Нужен был другой подход. Нужно было заслужить его доверие. Или найти способ узнать правду иначе.

Позже, уже в своей комнате, она не могла уснуть. Воспоминания детства, лицо отца, слова Ильи о камне, который не лжёт, – всё смешалось в голове. Она встала и подошла к окну. Ночь была глухой, без звёзд. И вдруг её взгляд упал на сад. Среди голых ветвей яблонь она различила чью-то фигуру. Высокую, в тёмной одежде. Человек стоял неподвижно, глядя в сторону её окна. Это был Илья.

Сердце Насти бешено заколотилось. Что ему нужно? Он же ушёл на объект. Или это не он? Фигура стояла несколько минут, затем медленно развернулась и растворилась в темноте.

Настя отступила от окна, дрожа. Чувство, что за ней наблюдают, было невыносимым. Этот город не просто помнил её. Он, казалось, внимательно следил за каждым её шагом. А дом, тот самый Дом Рощина, стоял в центре этой паутины, молчаливый и всезнающий. Завтра она войдёт в него. Не как экскурсант, а как хозяйка работ. И первой её задачей будет осмотреть ту самую угловую комнату на втором этаже. Ту, где по ночам, по слухам, зажигается свет.

Она легла в постель, но сон не шёл. Перед глазами стояло лицо Ильи Савельева в свете свечи – открытое на мгновение, а затем снова закрытое. И его фигура в ночном саду. Сторож. Или охотник.

А за стеной, в тишине спящего дома, скрипнула половица. Так, как будто по ней осторожно ступила нога. Настя замерла, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Скрип больше не повторился. Но ощущение, что она не одна, не покидало её до рассвета.

Глава 4. Мастерская «Камень времени».

Утро было хрустально-морозным. Первый заморозок посеребрил крыши, траву и голые ветви деревьев, превратив Кожину в хрупкую декорацию из стекла и инея. Настя шла по тротуару, хрустевшему под ногами, и думала о вчерашнем. О фигуре в саду. Она почти уверена, что это был Илья. Но зачем? Следил за ней? Или просто шёл через сад куда-то? Вопросы висели в холодном воздухе, не давая покоя.

Сегодня её путь лежал не к Дому Рощина, а в мастерскую «Камень времени». Ей нужны были точные образцы для заказа недостающих материалов, а Витя вчера по телефону пробормотал что-то невразумительное о том, что «Илья Игнатьич велел вам самим приехать и выбрать, потому что по фоткам не понять».

Мастерская располагалась на самой окраине старого города, в бывшем цеху кирпичного завода, закрытого ещё в девяностые. Длинное, приземистое здание из красного кирпича, с громадными, почти до самого пола, окнами, запylёнными снаружи, но изнутри, как заметила Настя, подошедшая ближе, – вымытыми до скрипа. Сквозь стекло просматривался интерьер, напоминавший одновременно лазарет, алхимическую лабораторию и святилище какого-то забытого культа.

Дверь была огромной, деревянной, со стёртой временем синей краской. Настя толкнула её, и тяжёлое полотно поддалось с протяжным, жалобным скрипом.

Звук ударил по барабанным перепонкам первым. Не монотонный гул производства, а симфония разных тональностей: мерный, глубокий стук дерева о камень, шипение сжатого воздуха, жужжание шлифовальной машины, скрежет резца и... тихая, задумчивая мелодия виолончели, доносящаяся откуда-то с дальней стены. Воздух был густым, насыщенным: запах каменной пыли (не удушающей, а скорее, как от мела), масла, металла, сырого дерева и ещё чего-то – острого,пряного, как полынь или можжевельник.

Пространство мастерской было огромным, высоким, с балками под потолком, на которых висели старинные блоки для подъёма тяжестей, теперь служившие светильниками – внутри них горели лампы накаливания, отбрасывая конусы жёлтого света. Повсюду стояли камни. Не просто заготовки, а глыбы, плиты, скульптурные фрагменты – от грубо отёсанных блоков песчаника до почти готовых, изящных капителей с акантовыми листьями. На длинных деревянных столах лежали инструменты – не только современные болгарки и перфораторы, но и дедовские зубила, киянки, троянки, скульптурные стеки с ручками, отполированными до блеска прикосновениями рук. Всё было в идеальном порядке, каждый предмет знал своё место.

У дальней стены, под огромным окном, склонился над верстаком Илья. Он работал не с машиной, а вручную. В его левой руке было небольшое зубило, в правой – киянка. Он наносил точные, короткие удары, и с кремового известняка слетали тончайшие чешуйки, обнажая контур... крыла. Он высекал ангела. Небольшого, размером с книгу. Уже угадывался изгиб крыла, складки одежды, намек на склонённую голову.

Настя застыла на пороге, наблюдая. Его движения были экономными, лишёнными суеты, почти медитативными. Каждый удар был обдуман, каждая стружка – часть замысла. Его лицо, обычно такое суровое, сейчас было сосредоточенным, но спокойным. В глазах читалась глубокая погружённость в процесс, диалог с материалом. Здесь, в своей стихии, он был другим человеком. Не колючим оппонентом, а мастером, творцом.

Музыка – виолончель – лилась из старинного радиоприёмника на полке. Это был Бах. Сюита для виолончели соло. Грустная, пронзительная мелодия идеально сочеталась со скрежетом резца по камню.

– Анастасия Сергеевна? – тихий голос заставил её вздрогнуть. Рядом стоял Витя, вытирая руки о тряпку. На нём был кожаный фартук, весь в белых разводах от каменной пыли. Он

улыбался, и в его взгляде читалось неподдельное любопытство. – Проходите. Илья Игнатьич скоро закончит, он не любит, когда отвлекают в процессе.

– Я вижу, – так же тихо ответила Настя, делая шаг внутрь. – Это он всегда так... работает?

– Когда есть возможность. Говорит, машина – для грубой работы, а душа камня раскрывается только рукой, – Витя говорил с обожанием ученика, влюблённого в ремесло учителя. – Пойдёмте, я покажу образцы, которые мы подобрали.

Он провёл её к стеллажам у правой стены. На полках лежали аккуратно пронумерованные и подписанные плитки: «Песчаник, карьер «Гремячий», слой 3, плотность 2.4», «Известняк ракушечник, месторождение «Белый ключ», пористый», «Клинкерный кирпич, аналог 1890-х гг.». К каждой прикреплялась маленькая карточка с описанием характеристик и даже... с исторической справкой. «Данный тип песчаника использовался при постройке Троицкой церкви в Кожине (1872 г.)».

– Это всё Илья Игнатьич систематизировал, – пояснил Витя, заметив её интерес. – У него целый архив. Он ездит по заброшенным карьерам, ищет соответствия, чтобы реставрация была не «похоже», а «точно». Он говорит, камень – это паспорт здания. Если вставить фальшивую страницу, вся книга станет подделкой.

Настя взяла в руки плитку тёплого, медового песчаника. Она была шершавой, живой.

– И что, для карниза Дома Рощина он нашёл точное соответствие?

– Нашёл. Но... есть проблема. Карьер, откуда брали камень, затоплен ещё в семидесятые. Остались только старые отвалы. Камень там есть, но его мало, и добывать его сложно и дорого. Илья Игнатьич уже месяц по выходным туда ездит, выбирает подходящие куски. А ваш проект, – Витя понизил голос, – предусматривает покупку нового песчаника «аналогичного вида» из активного карьера. Он дешевле и его много.

Настя положила плитку обратно. Вот оно. Корень конфликта. Не просто упрямство, а принципиальная позиция, подкреплённая знанием и титаническим трудом.

– А чем плох новый камень из другого карьера?

Витя замялся, покосившись на Илью, который как раз отложил инструмент и выпрямился, разминая спину.

– Новый камень будет вести себя иначе, – ответил уже сам Илья, подходя к ним. Его голос был спокоен, без вызова. – Другая плотность, другой коэффициент теплового расширения, другая структура впитывания влаги. Он сработается со старым камнем, но не сольётся. Через несколько лет на стыке появятся трещины, разные степени выветривания. Дом будет выглядеть... заплаткой. Я покажу.

Он взял со стола две плитки – одну старую, выщербленную временем, другую – новую, с ровным срезом. Поднёс их к свету.

– Видите разницу в фактуре? Старый камень дышал десятилетиями. У него история. Новый – стерилен. Он будет стареть, но по-своему. Не как партнёр, а как чужак.

Настя смотрела на плитки, а видела два подхода к жизни. Её – рациональный, стремящийся к достижимому идеалу в рамках правил. И его – требующий абсолютной подлинности, независимо от затрат.

– Я понимаю. Но бюджет, Илья... Смета не резиновая. И даже если мы найдём деньги на ваш камень с отвалов, где гарантия, что его хватит? И что его обработка и подгонка не съедят все сроки?

– Гарантий нет, – честно сказал он. – Есть только работа. И понимание, что мы делаем это один раз и на века. Или делаем вид, что делаем.

Он не давил. Он констатировал. И в этой констатации было больше убедительности, чем в любых эмоциональных тирадах.

– Покажите мне то, что вы уже нашли, – попросила Настя.

Илья кивнул и повёл её в глубь мастерской, за стеллажи. Там, на отдельном, застеленном брезентом поддоне, лежали несколько крупных, грубо обработанных блоков того самого медового песчаника.

– Это пока всё. Для восточного фасада, для самого сложного фрагмента карниза с лепниной. Остальное... нужно искать ещё.

Настя присела на корточки, касаясь камня. Он был холодным, но не мёртвым. В нём чувствовалась плотность, надёжность.

– Сколько времени вам нужно, чтобы обработать один такой блок?

– Зависит от сложности элемента. От недели до месяца. Если элемент составной, с орнаментом – дольше.

– А по проекту на всю реставрацию фасадного декора отведено три месяца, – тихо сказала Настя, производя мысленный расчёт.

– По вашему проекту – да, – согласился Илья. – По реальности – в два раза больше. Если делать как надо.

Настя поднялась. Она чувствовала себя на распутье. С одной стороны – Петр, графики, отчётность, риск срыва проекта. С другой – этот камень, эти руки, знающие своё дело, и этот немой укор в глазах мастера.

– Давайте попробуем найти компромисс, – сказала она наконец. – Вы продолжаете искать и обрабатывать исторический камень для ключевых, самых заметных элементов – карниз, наличники главного фасада, парапет. Для менее значимых, цокольных, дворовых частей – используем аналог, но максимально близкий по характеристикам. Я пересмотрю смету, попробую выбить дополнительное финансирование или перераспределить статьи. И... мне нужна ваша помощь в обследовании того проблемного участка фундамента. Ваши опасения я передала в Москву, но официальное заключение должно быть от нас, от местных специалистов.

Илья смотрел на неё долго, оценивающе. Казалось, он искал подвох.

– Почему? – спросил он просто. – Вчера вы стояли на своём.

– Вчера я видела в вас препятствие. Сегодня я вижу специалиста, – честно ответила Настя. – И я не хочу, чтобы из-за моей слепоты или упрямства дом пострадал. Даже если это будет невидимо глазу и случится через десять лет.

В его глазах что-то дрогнуло. Суровость смягчилась на грамм.

– Хорошо, – сказал он. – Я подготовлю все данные, какие есть. И покажу вам то, что не попало ни в один отчёт.

Он повёл её к своему рабочему столу – не к верстаку, а к старому, массивному письменному столу из дуба, заваленному бумагами, книгами и чертежами. На стене над ним висела большая, детальная карта Кожина начала XX века, и несколько старых фотографий. На одной из них была группа людей у Дома Рощина. Мужчины в картузах, женщины в длинных платьях. Илья указал на одного из мужчин, коренастого, с окладистой бородой, стоявшего с гордо поднятой головой.

– Мой прадед, Игнат Савельев. Главный каменщик при постройке дома. А это, – он перевёл палец на другого человека, более щуплого, в очках, стоявшего чуть в стороне, – ваш вероятный родственник. Сергей Орлов. Управляющий имением Рощиных, а позже – владелец дома после революции, пока не пришли его арестовывать.

Настя взглядела в лицо. Что-то знакомое было в линии подбородка, в поставе головы. Фамильная черта.

– Откуда у вас это фото?

– Семейный архив. У Савельевых и Орловых когда-то были... деловые отношения. И не только. – Он замолчал, как будто сказал лишнее.

– Марина рассказывала историю, что прадед помог ему что-то спрятать.

Илья нахмурился.

– Марина слишком много знает и ещё больше додумывает. Была дружба. Потом – беда. Всё. Старые истории. Они не должны мешать нашей работе.

Но он говорил это без убедительности. Настя видела, как его взгляд скользнул к запёртому ящику стола. Там, очевидно, хранилось что-то важное.

– Илья, – осторожно начала она, – Пётр Ковалёв говорил, что ваш отец что-то ищет в доме. Связано ли это с той старой историей?

Лицо Ильи снова стало непроницаемым.

– Мой отец – больной, обиженный на весь мир старик. Он ищет оправдания своей жизни. Не более. И советую вам не слушать Петра Ковалёва. Он мастер плести паутину, в которую ловит тех, кто ему полезен. И безжалостно рвёт тех, кто перестаёт быть удобным.

В его голосе прозвучала личная, острая боль. Настя вспомнила фотографию молодого Ильи с Петром.

– Вы с ним... раньше общались? – рискнула она спросить.

Он резко повернулся к окну, его плечи напряглись.

– Это было давно. И не касается проекта. Витя! – он позвал парня, который что-то чистил в углу. – Покажи Анастасии Сергеевне, как мы готовим известковый раствор по старинному рецепту. Без этого вся реставрация камня – ничто.

Это было явное отвлечение. Но Настя не стала настаивать. Доверие – хрупкая вещь. Сегодня она сделала шаг. Он – нет. Но и не отшатнулся.

Витя, оживившись, с энтузиазмом начал показывать ей бочки с гашёной известью, мешки с песком определённой фракции, рассказывать о секретах добавления кирпичной крошки и яичного белка для пластичности. Илья же вернулся к своему ангелу, но теперь его движения были более резкими, мысли явно витали где-то далеко.

Осматривая мастерскую, Настя заметила в самом углу, за токарным станком, дверь. Небольшую, деревянную, с кованой железной ручкой и солидным висячим замком. Дверь явно вела в какое-то подсобное помещение или кладовую. Но почему такой серьёзный замок? Что там? Инструменты? Или что-то другое?

Её взгляд поймал Витя.

– Это личная кладовка Ильи Игнатьича, – быстро прошептал он. – Туда никто не входит. Там он хранит свои находки с объектов. Особенные. Говорит, там дух прошлого живёт, и пусть лучше он там и остаётся.

«Находки с объектов». Дом Рощина тоже был объектом.

В этот момент снаружи раздался сигнал автомобиля. Через запylённое стекло двери Настя увидела чёрный дорогой внедорожник. Из него вышел Пётр Ковалёв. Он был в лёгком, но явно очень тёплом пальто, без головного убора. Посмотрел на мастерскую, поправил перчатки и направился ко входу.

Илья, увидев его, замер. Вся его поза выразила мгновенную, животную неприязнь. Он отложил инструмент и медленно выпрямился, как солдат перед строем.

Дверь открылась, впуслав поток холодного воздуха и Петра.

– Какая живописная мастерская! Прямо декорации для фильма про средневековых алхимиков, – голос Петра звучал слишком громко и жизнерадостно для этого места. Он окинул взглядом помещение, и в его глазах Настя прочитала не интерес, а лёгкое презрение. – Настя! Какие ветра? И, Илья, здравствуй. Не ожидал увидеть вас в таком продуктивном диалоге.

– Что нужно, Ковалёв? – спросил Илья, не двигаясь с места.

– Деловое предложение. Ускорить работы. Я нашёл поставщика – отличный искусственный камень, полимербетон. Имитация под старину на 100%. Легче, дешевле, монтируется в разы быстрее. Можно закончить фасад за месяц, а не за полгода.

Настя почувствовала, как у неё похолодели руки. Илья же оставался невозмутимым, только его скулы слегка напряглись.

– Искусственный камень, – повторил он без интонации. – Для Дома Рощина.

– Именно! Представь, какая экономия! И эффект тот же. Фотографии для отчёта будут шикарные.

– Эффект будет тот же, пока не пойдёт дождь, не ударит мороз и солнце не высветит пластмассовый блеск, – холодно сказал Илья. – Нет. Никогда.

– Илья, будь реалистом, – голос Петра стал настойчивее, сладковатым. – Ты же понимаешь, что этот дом – не твой личный храм. Это инвестиция. И инвестор хочет видеть результат. Быстро и красиво.

– Тогда ищи другого подрядчика, – отрезал Илья. – Моя мастерская не занимается подделками.

Пётр вздохнул, как взрослый, уставший от капризов ребёнка, и повернулся к Насте.

– Настя, ты как руководитель проекта должна понимать целесообразность. Уговори своего упрямца. Или наймём другую бригаду. Контракт позволяет.

Настя стояла меж двух огней. Взгляд Ильи был тяжёлым, ожидающим. Он как будто проверял её. А взгляд Петра – уверенным, властным.

– Пётр, – сказала она твёрдо, – мы только что договорились о комплексном обследовании фундамента и использовании исторического камня для ключевых элементов. Это решение обосновано с профессиональной точки зрения и направлено на долговечность результата. Искусственный камень не рассматривается. Это противоречит концепции реставрации объекта культурного наследия.

Наступила тишина. Петр смотрел на неё с холодным удивлением, которое быстро сменилось раздражением.

– Очень жаль. Значит, тебе придётся самой объяснять задержки и перерасход средств совету инвесторов. Удачи. – Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что дребезжали стёкла.

В мастерской воцарилось гнетущее молчание. Витя боязливо смотрел то на Илью, то на Настю.

– Спасибо, – наконец сказал Илья. Одно слово. Но в нём был целый мир смыслов.

– Я сделала то, что должна была сделать как профессионал, – ответила Настя, чувствуя, как дрожат её колени от выброса адреналина. Она только что открыто пошла против Петра.

– Он не отступит, – предупредил Илья. – Он будет давить через мэрию, через финансы, через всё. Он ненавидит, когда ему перечат.

– А вы ему перечили раньше? – спросила Настя.

Илья отвернулся, снова глядя на свою незаконченную скульптуру.

– Да. И проиграл. Дорогой ценой. Не повторяйте моей ошибки, Анастасия. Будьте умнее. Иногда... чтобы сохранить что-то важное, нужно не лоб в лоб биться, а искать обходные пути.

Что он имел в виду? Какую цену он заплатил? Но спрашивать сейчас было бесполезно.

– Я пойду, – сказала Настя. – Пришлите мне, пожалуйста, все данные по фундаменту и камню. И... спасибо за экскурсию.

Она уже бралась за ручку двери, когда Илья остановил её.

– Анастасия.

Она обернулась.

– Завтра утром, на объекте. Я покажу вам то, что нашли вчера при зачистке внутренней стены. Не по проекту. Возможно, вам стоит это увидеть.

В его глазах не было ни вызова, ни упрёка. Была серьёзная, тяжёлая решимость.

– Что это?

– Пока не знаю. Но это... письмо. Вмурованное в кладку. – Он помолчал. – Адресовано Орлову.

Лёд в жилах. Тишина в мастерской стала абсолютной, давящей.

– Я буду, – с трудом выдавила Настя и вышла на морозный воздух.

Солнце уже растопило иней, но ей было холодно. Она шла, не чувствуя ног. Письмо. В кладке. Орлову. История, которую город хранил под штукатуркой и камнем, начинала проступать наружу. И она, Анастасия Орлова, уже не могла оставаться просто архитектором. Она стала частью этой истории. А завтра ей предстояло прочитать первое послание из прошлого. Послание, которое, возможно, изменит всё.

Глава 5. Первая находка.

Рассвет размыл небо над Кожиним до акварельных разводов – грязно-розовый, сизый, перламутровый. Настя не спала. Слово «письмо» стучало в висках навязчивым метрономом всю ночь. Орлову. Её фамилия. Капкан истории, о котором предупреждала Марина, захлопнулся.

Она пришла на объект раньше назначенного времени. Дом Рощина в предрассветных сумерках казался особенно огромным и безмолвным, будто затаившим дыхание. Внутри пахло пылью, сырой штукатуркой и холодным пеплом из давно остывших печей. Электричества ещё не было, и Настя включила мощный фонарь, луч которого выхватывал из мрака облупленные стены, груды мусора и следы недавней работы – аккуратные срезы штукатурки, разметку на кирпичах.

Илья уже был там. Он стоял у дальней стены в большом зале первого этажа, который когда-то, судя по остаткам лепнины на потолке, был парадной гостиной. Теперь это был склеп воспоминаний. Рядом с ним на козлах лежали инструменты, а на полу была расстелена полиэтиленовая плёнка.

– Вы рано, – сказал он, не оборачиваясь. Его голос в пустом помещении прозвучал глухо, как подземный толчок.

– Не могла спать, – призналась Настя, подходя ближе. – Где?

Он кивнул на участок стены. На высоте примерно полутора метров от пола был аккуратно, квадратом, снят слой штукатурки и частично разобрана кирпичная кладка. В образовавшейся нише, в полости, явно сделанной специально, лежал предмет, обёрнутый в промасленную, почерневшую от времени холстину.

– Вчера, когда зачищали этот участок для проверки состояния перевязки, кирпич поддался легче, чем должен был, – тихо объяснил Илья. – Это была закладка. Не строительная, а... тайник. Я остановил работы. Никто больше не видел.

Он посмотрел на неё. В его глазах не было триумфа, только сосредоточенная серьёзность.

– Хотите сами?

Настя кивнула, сглотнув комок в горле. Она надела тонкие рабочие перчатки, которые дал Илья, и осторожно протянула руку к нише. Воздух вокруг будто сгустился. Холстина была хрупкой, рассыпалась от прикосновения, обнажив небольшой, плоский металлический ящичек – жестяную коробку из-под леденцов или чая, с едва различимым цветным рисунком. Крышка была замята, но не заржавела намертво.

Сердце билось так громко, что заглушало все остальные звуки. Настя взяла коробку. Она была удивительно лёгкой. Она вынула её из ниши и поставила на плёнку. Илья направил луч своего фонаря.

– Открывайте, – сказал он, и в его голосе прозвучало не терпение, а что-то вроде... предчувствия.

Настя подцепила ногтем крышку. Она поддалась с тихим, жалобным скрипом. Внутри, на бархатной, выцветшей до грязно-коричневого цвета подложке, лежал сложенный в несколько раз лист бумаги. Бумага была плотной, пожелтевшей, с надорванным краем. И конверт. Простой, без марки, с написанными чернилами словами. Настя взяла конверт дрожащими пальцами.

«Анне Васильевне Орловой. Лично. В руки».

Почерк был старомодным, каллиграфическим, но торопливым – некоторые буквы срывались в неразборчивые росчерки. На обратной стороне конверта – печать. Не официальная, а самодельная, вырезанная, вероятно, из резины: буквы «С» и «О», переплетённые в виньетку.

– Сергей Орлов, – прошептала Настя. Семейный вензель. Она видела его в старых семейных бумагах, которые отец безуспешно пытался систематизировать.

– Открывайте письмо, – мягко, но настойчиво сказал Илья.

Она вынула из конверта листок. Развернула его. Чернила были выцветшими, бурыми, как запёкшаяся кровь. Текст был написан тем же торопливым, но чётким почерком.

«17 октября 1947 года.

Дорогая Анна, моя единственная,

Пишу тебе, не зная, дойдёт ли это письмо. Надеюсь только на старого друга, который обещал его передать, если со мной что-то случится. Ситуация стала невыносимой. Меня вызывали уже трижды. Не по делу о “растрате хозяйского добра” – это ширма. Ищут “Собрание”. Тот самый архив, о котором ты знаешь. Они уверены, что он у меня. Или что я знаю, где он.

Я не могу его отдать, Аннушка. Это не просто бумаги. Это душа нашего рода, душа этого дома, да что там – душа всей нашей затоптанной, изгаженной, но живой истории. Если это попадёт в их руки, всё будет перечёркнуто, извращено, сожжено в топке их идеологии. Не могу.

Поэтому я принял решение. Я уйду. Не в прямом смысле – меня никуда не выпустят. Но я уйду в тень. Буду делать вид, что сломлен, что болен. Возможно, меня заберут. Но “Собрание” должно уцелеть. Я спрятал его там, где и договаривались. Там, где сердце дома. Под защитой камня и верных рук. Ключ от тайника – у нашего общего друга. Он знает, что делать. Если я исчезну, он передаст его тебе. Только тебе.

Прости меня за всё. За нашу несостоявшуюся жизнь. За страх, который мешал мне быть рядом, когда ты больше всего нуждалась. За этот дом, который стал не пристанью, а ловушкой. Я любил тебя. Люблю. Это единственное, что они у меня не отнимут.

Если будет совсем невоготу, ищи подсказки в том, что осталось от нас. В наших именах, в датах, в стенах этого дома. Он помнит всё.

Храни тебя Бог. Твой С.О.»

Тишина. Гулкая, абсолютная. Настя стояла, вцепившись в хрупкий листок, не видя букв. Перед глазамиплыли круги. Анна Васильевна Орлова. Её прабабушка? Двоюродная пра...? Она ничего не знала о ней. Отец никогда не упоминал это имя. «Собрание». Архив. Что это? И «общий друг»... Каменщик Савельев? Дед Ильи?

Она подняла глаза на Илью. Он смотрел не на письмо, а на её лицо, читая по нему смущение и шок.

– Что... что там? – спросил он наконец.

Она молча протянула ему письмо. Он взял его осторожно, почти с благоговением, и, отвернувшись к свету фонаря, начал читать. Настя наблюдала, как его лицо, обычно непроницаемое, менялось. Брови сдвинулись, губы плотно сжались. Когда он дошёл до слов «под защитой камня и верных рук» и «наш общий друг», он замер. Потом медленно опустил руку с письмом.

– Сергей Орлов, – произнёс он. – И Анна. И... наш общий друг.

– Ваш дед? – выдохнула Настя.

– Должен быть. Игнат Савельев. Он умер в 1953 году. Молча. Ничего никогда не рассказывал. Отец говорил, что с ним после войны что-то случилось, он стал другим. Замкнутым. – Илья посмотрел на нишу в стене. – Он спрятал это письмо. И, возможно, не только его.

– «Собрание», – повторила Настя. – Что это могло быть? Документы? Дневники? Семейные ценности?

– Что-то, за что в 1947 году могли серьёзно преследовать, – мрачно констатировал Илья. – Не просто за кулацкое прошлое. Что-то более опасное. Может, переписка? Свидетельства? Архив, компрометирующий кого-то влиятельного уже в новой системе.

Он сложил письмо обратно в конверт с неожиданной нежностью.

– Его не сломили. Он ушёл, сохранив главное. – В голосе Ильи звучало уважение, граничащее с восхищением. – И мой дед помог. И тоже молчал. До конца.

Настя почувствовала прилив странного, горького чувства – гордости за этого незнакомого предка и одновременно страха. Эта история была не просто старой семейной тайной. Она была опасной. И она, Настя, теперь держала в руках её первую нить.

– Что нам делать? – спросила она, и её голос прозвучал потерянно.

– Сначала – сохранить, – решительно сказал Илья. – Это исторический артефакт. Его нужно сфотографировать, описать, по возможности, отреставрировать. И... никому не говорить. Особенно Ковалёву.

– Почему особенно ему?

– Потому что он что-то ищет, – твёрдо сказал Илья. – Он не случайно вцепился в этот проект. Он что-то знает. Или догадывается. И этот архив, это «Собрание»... Возможно, это то, что ему нужно. Или ключ к чему-то, что ему нужно.

Он упаковал коробочку с письмом в чистый полиэтиленовый пакет.

– Я отнесу это в мастерскую, в сейф. Сделаем копии. А вы... попробуйте что-нибудь узнать об Анне Орловой. В вашей семье должны быть хоть какие-то следы.

Настя кивнула. В голове крутились обрывки детских воспоминаний: разговоры отца с тёткой, которую она видела раз или два, старый сундук на чердаке их собственного дома, который она боялась открывать... Дом, проданный после смерти отца. Что стало с теми вещами?

– Я попробую, – сказала она. – Но, Илья... «Там, где сердце дома». И «под защитой камня». Вы как каменщик... у вас есть догадки?

Он задумался, окидывая взглядом зал.

– Сердце дома... Это может быть буквально – печь, камин. Или образно – центр здания, может быть, та самая угловая комната на втором этаже, о которой ходят слухи. Или... подвал. Но подвал мы ещё не начинали расчищать. «Под защитой камня»... – Он вздохнул. – Это может быть что угодно: каменный фундамент, цоколь, каминный портал, даже каменная лестница. Всё, что сделано из камня и имеет полость.

– Это как искать иголку в стоге сена, – с отчаянием прошептала Настя.

– Не совсем. У нас есть подсказка. – Он указал на письмо в пакете. – «Ищи подсказки в том, что осталось от нас. В наших именах, в датах, в стенах этого дома. Он помнит всё». Это не просто красивые слова. Это указание. Архитектор, – он посмотрел на неё, и в его глазах вспыхнул огонёк азарта, – ваш ход. Имена, даты, стены. Начнём с архитектурного плана. Есть ли там что-то необычное? Символы, маркировки?

Мысль была гениальной в своей простоте. Настя почувствовала, как к ней возвращается профессионализм, вытесняя панику.

– План! Да, конечно. У меня есть отсканированные копии старых чертежей из областного архива. Они неполные, но... Давайте в кофейню. У меня там ноутбук.

Они вышли из холодного, мрачного дома в хмурое утро. Мир за стенами казался нереальным, затянутым грязноватой плёнкой. По дороге они молчали, каждый погружённый в свои мысли. Настя несла в себе жужжащий улей вопросов. Кто была Анна? Что за трагедия их разлучила? Куда делся Сергей? И главное – где этот проклятый архив?

В кофейне было пусто. Марина, увидев их мрачные лица и спешку, лишь подняла брови, но не стала расспрашивать, лишь кивнула на свободный столик и продолжила замешивать тесто.

Настя достала ноутбук, запустила его. Илья сел рядом, слишком близко, от него пахло камнем, холодом и чем-то металлическим – честным трудом. Она открыла папку с архивными сканами. Чертежи дома были сделаны тушью на кальке, местами расплывшейся, местами порванной. Планы этажей, фасады, разрезы.

– Смотрите, – Настя увеличила изображение плана первого этажа. – Вот парадный зал, где мы были. Вот прихожая, кабинет, зимний сад... Ничего необычного. – Она переключилась на второй этаж. – Спальни, гардеробные, вот эта угловая комната... помечена как «кабинет №2» или «будуар». Никаких тайных комнат, сейфов на плане нет.

– А подвал? – спросил Илья.

– Подвал только схематично. Там котельная, кладовые для угля, винный погреб. Всё стандартно.

Она перебирала чертежи, чувствуя нарастающее разочарование. Может, это всё вымысел? Красивая легенда?

– Подождите, – Илья положил палец на экран. – Что это?

Он указывал на небольшой участок плана первого этажа, рядом с большой печью, разделявшей гостиную и столовую. Там был начерчен небольшой квадратик, обведённый не сплошной, а пунктирной линией. И рядом, мелким, едва читаемым почерком, было написано: «ниша? закл?».

– Ниша. Закладка, – перевела Настя. – Строительная ниша? Или... тайник? Но она помечена вопросительным знаком. Как будто сам архитектор не был уверен.

– Координаты? – спросил Илья.

Настя сверилась с масштабом, быстро сделала расчёты на бумаге.

– Это в южной стене. Рядом с печью, но не в ней. На высоте... примерно семь кирпичей от пола.

– Там, где сердце дома, – тихо сказал Илья. – Печь – это сердце. И «под защитой камня». Стена – это камень и кирпич.

Они переглянулись. В глазах у обоих горел одинаковый огонь – охотничий, исследовательский.

– Нужно проверить, – сказала Настя.

– Сейчас, – согласился Илья. – Но осторожно. Если там что-то есть... и если это увидит кто-то ещё...

Они вернулись в дом, теперь уже с конкретной целью. Настя взяла с собой лазерный дальномер и планшет. В гостиной они подошли к массивной, полуразрушенной печи. Стена рядом с ней была покрыта толстым слоем старой краски и обоев.

– Здесь, – Настя сделала отметку на стене мелом, согласно расчётам. – Примерно здесь должна быть эта ниша, если она существует.

Илья взял в руки небольшое зубило и киянку. Он не стал долбить что попало. Сначала он простучал стену, прислушиваясь к звуку. Глухой, ровный стук. Никаких пустот. Его лицо выразило разочарование.

– Сплошная кладка. Может, план ошибочный? Или нишу заложили позже?

– Попробуем чуть левее, – не сдавалась Настя. – План мог быть неточным.

Они проверили ещё несколько участков. Ничего. Стена была монолитной. Час напряжённой работы не дал результатов. У Насти начала болеть спина от неудобной позы, а разочарование превращалось в тяжёлую глыбу в груди. Может, это дикая goose chase? Погоня за призраком?

Илья отложил инструмент, вытер пот со лба.

– Не выходит. Либо её нет, либо... мы ищем не там. «В наших именах, в датах», – процитировал он. – Что это может значить?

Настя прислонилась к холодной стене, закрыв глаза. Имена. Даты. Сергей. Анна. 1947 год. 17 октября... День написания письма. А что, если...

– Илья, а есть ли в кладке дома закладные камни с датами? Или именами мастеров? Такое иногда делали.

– Бывает, – кивнул он. – Обычно на фасаде, на цоколе. Но внутри... реже. Нужно смотреть.

Они снова вышли, теперь уже обойдя дом снаружи. Осматривали цоколь, углы, наличники. Никаких надписей. Уже смеркалось, и холодный ветер гнал по пустынной улице рваные клочья тумана.

– Завтра, – сказал Илья, видя, как Настя ёжится от холода. – Сегодня мы оба не в форме. Нужно отдохнуть, подумать.

Они молча пошли по направлению к кофейне. У её крыльца Настя остановилась.

– Илья, спасибо. За... всё. За то, что не скрыл находку. За помощь.

Он смотрел на неё, и в сумерках его лицо казалось высеченным из того же тёмного камня, что и дом.

– Это не ваша личная история, Анастасия. Это история этого места. И я... я чувствую долг. Перед дедом. Перед домом. – Он помолчал. – Будьте осторожны. Ковалёв сегодня звонил Марине, спрашивал, не видел ли она нас вместе. Он что-то чувствует.

– Что ему от нас нужно? – с тоской спросила Настя.

– Власть, – просто ответил Илья. – Над ситуацией. Над людьми. Над прошлым, которое можно продать или использовать. Он ненавидит то, чего не может контролировать. А прошлое... оно неуправляемо. Оно вылезает такими вот письмами.

Он повернулся, чтобы уйти, но Настя окликнула его.

– Илья! А вы... вы верите в то, что дом «помнит»?

Он обернулся. В его глазах отразился свет из окна кофейни – тёплый, живой.

– Я верю в камень, – сказал он. – Он не помнит. Он – и есть память. Молчаливая, тяжёлая, но вечная. Спокойной ночи, Анастасия.

Он ушёл, растворившись в сгущающихся сумерках. Настя стояла на крыльце, глядя ему вслед, и вдруг почувствовала не просто союзничество, а что-то большее – связь, протянутую через время и камень. Они были теперь сообщниками в этом тихом, опасном расследовании.

Войдя внутрь, она столкнулась с Мариной.

– Ну что, клад нашли? – спросила та, но шутка не удалась, лицо было серьёзным.

– Не клад, – устало ответила Настя. – Письмо. От моего предка к моей же предке. 1947 год. Мар, что ты знаешь об Анне Орловой?

Марина налила две кружки горячего чая.

– Мало. Старожилы говорили, что была такая женщина. Уехала из города в конце сороковых, почти сразу после ареста её брата или мужа... не помню. Говорили, она была учительницей. И что после её отъезда в доме стали происходить странные вещи. То свет в окнах, то шаги. Говорили, она что-то оставила. Или что-то ищет.

Настя вздрогнула. «Или что-то ищет». Как они сейчас.

– Куда она уехала?

– Не знаю. Может, в Ленинград? Или ещё куда. Пропала. Как и многие тогда.

Настя допила чай, чувствуя, как усталость накрывает с головой. Она поднялась в свою комнату, но вместо того чтобы лечь, села за стол. Достала блокнот и начала записывать всё, что узнала. Имена, даты, факты. Потом открыла ноутбук и зашла в редкую, сохранившуюся у неё папку с оцифрованными семейными фотографиями. Она листала их, всматриваясь в лица. Вот отец, молодой. Вот дед. А вот... незнакомая фотография. Женщина лет тридцати, в строгом платье, с высокой причёской. На обороте, детской рукой (отца?), выведено: «Тётя Анна. 1938».

Вот она. Анна Васильевна Орлова. У неё были грустные, очень большие глаза и тонкие, сжатые в твёрдую линию губы. Она смотрела прямо в объектив, и в её взгляде читалась не покорность, а вызов. Тихая, ледяная решимость.

Настя увеличила изображение. На шее у женщины висел кулон. Непростой. Что-то вроде печатки или маленького медальона. Форму разглядеть было невозможно, но... Настя присмотрелась. Уж не вензель ли это? Переплетённые буквы?

Её сердце заколотилось. Она схватила листок, на котором сделала копию письма (Илья прислал фото на телефон). Посмотрела на оттиск печати на конверте. «С» и «О». Переплетённые. Совпадение? Или... ключ?

Она распечатала фотографию Анны как можно крупнее. Да, кулон. Он был слишком мал на снимке, но форма... Она казалась похожей.

Настя откинулась на спинку стула, охваченная дрожью. Кулон. Печатка. Ключ? «Ключ от тайника – у нашего общего друга. Он знает, что делать. Если я исчезну, он передаст его тебе. Только тебе».

А если не передал? Если не успел? Если кулон так и остался у Анны, а потом затерялся? Или... если он не у Анны, а спрятан там же, в доме? Или его нашёл и спрятал дед Ильи?

Мысли неслись вихрем. Она смотрела на фотографию сурового, красивого лица Анны Орловой. Женщины, которая, возможно, так и не получила ключ от своей тайны. Женщины, чьё прошлое теперь стучалось в дверь к её праправнучке.

За окном совсем стемнело. Настя подошла к нему и снова посмотрела в сторону Дома Рощина. Он был тёмным силуэтом на фоне немного более светлого неба. И вдруг... да нет, не может быть. В угловом окне второго этажа, в том самом «будуаре», мелькнул слабый, желтоватый свет. Не электрический. Свечной. Он горел ровно несколько секунд, а затем погас, словно кто-то задул пламя.

Настя замерла, не в силах пошевелиться. Холодный пот выступил на спине. Это не было игрой света. И не галлюцинацией. Кто-то был в доме. Кто-то, кто знал о тайнике. Или искал его. Или... охранял.

Она схватила телефон, чтобы позвонить Илье. Но остановилась. Что она скажет? «Я видела призрак»? Он подумает, что она сошла с ума от усталости. Но свет был реальным.

Она опустила телефон, продолжая смотреть в темноту, где только что горел огонёк. Дом не просто помнил. Он бодрствовал. И наблюдал. А они с Ильей были всего лишь новыми актёрами в его старой, бесконечной пьесе. Завтра она войдёт в него снова. И на этот раз поднимется на второй этаж. В ту самую комнату. Она должна была узнать, кто или что зажигает там свет.

Глава 6. Визит к отцу.

Туман за ночь не рассеялся, а лишь сгустился, превратив Кожино в монохромный рисунок тушью. Контуры домов плавали в молочной дымке, звуки были приглушёнными, далёкими. Этот мир словно отступил на шаг, готовясь к чему-то важному.

Настя ждала Илью у входа в кофейню, кутаясь в шарф. Она почти не спала – образ свечи в окне второго этажа стоял перед глазами, сливаясь с лицом Анны Орловой из фотографии. Она скачала изображение кулона в хорошем разрешении и распечатала. Теперь этот листок лежал у неё во внутреннем кармане, как талисман или, может быть, карта.

Илья появился из тумана беззвучно, как призрак. Он был в той же тёмной куртке, лицо казалось ещё более уставшим, чем вчера.

– Готовы? – спросил он без предисловий.

– Да. Он... что, согласился нас видеть?

– Не совсем. Он сказал: «Пусть приходит, если не боится старого ворчуна». Это максимально гостеприимное приглашение, какое он мог сделать.

Они пошли не по центральным улицам, а по глухим переулкам, петляя между покосившимися заборами и сараями. Окраина. Дом Олега Савельева стоял в конце тупиковой улицы, упиравшейся в заброшенный пустырь, заросший бурьяном и молодыми ёлочками. Дом был старым, одноэтажным, бревенчатым, когда-то покрашенным в синий цвет, теперь облезшим до серого дерева. Но он поражал своей... ухоженностью. Ни одна доска не скрипела, ставни были плотно подогнаны, на крыше – свежий тёмный шифер, а у крыльца аккуратно сложена поленница дров, прикрытая брезентом. Это был не дом отчаявшегося человека, а крепость отшельника, сознательно отгородившегося от мира.

Во дворе, несмотря на позднюю осень, цвели несколько кустов хризантем – жёстких, ярко-жёлтых, будто выкованных из металла. И пахло не затхлостью, а дымом из трубы, смолой и свежеструганным деревом.

Илья, не колеблясь, поднялся на крыльцо и постучал в дверь своеобразным ритмом: два коротких, один длинный. Свой пароль.

Изнутри слышалось шарканье, щелчок засова, и дверь открылась.

Олег Савельев был не таким, как представляла Настя. Она ждала сгорбленного, опустившегося старика. Перед ней стоял высокий, прямой, как ствол сосны, мужчина. Лет семидесяти, но с мощными плечами и руками, которые и сейчас могли бы удержать тяжёлый камень. Лицо было изрезано глубокими морщинами, как руслами высохших рек, но кожа – обветренной, жёсткой, а не дряблой. Волосы, коротко остриженные, были белыми, как первый снег. Но главное – глаза. Тёмно-серые, почти чёрные, глубоко посаженные. В них горел не огонь безумия или озлобленности, а холодный, ясный, неумолимый свет разума. Он смотрел на Настю оценивающе, без приветствия, а затем перевёл взгляд на сына.

– Вошёл бы уже, холод пускаешь.

Голос был низким, раскатистым, с характерным каменщицким хрипом, но без дрожи.

Они вошли в сени, а затем в основную комнату. Внутри было чисто, аскетично и... неожиданно уютно. Большая русская печь, добротный деревянный стол, лавки вдоль стен, несколько старых, но крепких стульев. На полках – не хлам, а инструменты, аккуратно разложенные по видам и размерам: стамески, рубанки, ножовки. На стене – увеличенная, в самодельной рамке, фотография молодого Олега с женой (красивая женщина с мягкой улыбкой) и маленьким Ильёй на руках. И книги. Неожиданно много книг: по геологии, истории, архитектуре, старые справочники по каменному делу.

– Садитесь, – бросил Олег, указывая на стол. Сам остался стоять, прислонившись к притолоке печи, скрестив на груди мощные руки. – Илья сказал, у вас вопросы. Какие могут быть у московской архитектурши вопросы к старому каменщику?

Тон был откровенно враждебным. Настя почувствовала, как съёживается внутри, но заставила себя выпрямиться.

– Здравствуйте, Олег... Олег Иванович. Вопросы не столько по каменному делу, сколько по истории. По Дому Рощина.

При упоминании дома старик не дрогнул, но его взгляд стал ещё более пристальным, будто сканирующим.

– Дом стоит. Разваливается. Что там ещё за история?

– Мы нашли кое-что, – осторожно начала Настя. – При реставрационных работах.

Олег перевёл взгляд на Илью. Тот молча кивнул, подтверждая.

– И что же вы там, в своих московских чертежах, не предусмотрели? – спросил старик с едва уловимой издёвкой.

– Мы нашли тайник, – прямо сказал Илья, устав от прелюдий. – В кладке. Письмо. 1947 года. От Сергея Орлова к Анне Орловой.

Наступила тишина. Тихая, но звенящая, как натянутая струна. Настя увидела, как пальцы Олега, лежащие на согнутой в локте руке, непроизвольно сжались, костяшки побелели. Но лицо оставалось каменной маской. Только в глубине тёмных глаз что-то мелькнуло – мгновенная, дикая вспышка... страха? Паники? И тут же погасла, задавленная железной волей.

– Ну и нашли. Старые бумажки. Чего ждали от старого дома? Люди жили, писали друг другу. – Он отмахнулся, словно от назойливой мухи. – К моему делу отношения не имеет.

– Письмо упоминает «общего друга», который должен был передать ключ, – не отступал Илья. Его голос был спокойным, но твёрдым. – Каменщика. Дед Игнат, да?

Олег замер. Казалось, он даже перестал дышать. Комнату наполнило напряжённое молчание, в котором было слышно только потрескивание дров в печи.

– Мой отец, – сказал Олег наконец, и голос его звучал глухо, будто из-под земли, – был честным мастером. Делал свою работу и держал язык за зубами. В те времена это было единственным способом выжить. И я научился тому же. Выживать. И молчать.

– Но вы знаете, о чём это письмо, – настаивала Настя. Её собственный голос прозвучал удивительно уверенно. – Вы знаете, что такое «Собрание». И где оно может быть.

Олег медленно отодвинулся от печи и сделал несколько шагов к столу. Он был огромным, и его приближение ощущалось физически, как нарастающее давление.

– Молодая женщина, – произнёс он, и каждое слово падало, как тяжёлый булыжник, – вы играете с огнём. Вы копаетесь в вещах, которые давно следовало оставить в покое. Эти истории... они не закончились. Они просто уснули. И своим любопытством вы можете разбудить не то, что хотели бы найти.

– Что вы имеете в виду? – спросила Настя, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Я имею в виду, что в этом городе у стен есть уши, а у прошлого – длинные, цепкие руки. Орловы... – он произнёс фамилию с каким-то странным, горьким почтением, – они принесли много беды. И себе, и тем, кто был рядом. И кажется, их судьба не отпускает своих. – Он посмотрел прямо на Настю, и в его взгляде было что-то почти пророческое. – Вы похожи на неё. На Анну. Тот же взгляд. Упрямый. Не знающий страха. Или не показывающий его.

Это сравнение ошеломило Настю. Она не знала, что чувствовать – гордость или ужас.

– Я хочу понять, – сказала она просто. – Хочу понять, что произошло. И, может быть... помочь. Если что-то можно ещё спасти.

Старик смотрел на неё долго, будто взвешивая её искренность на невидимых весах. Потом его взгляд перешёл на Илью, и в нём мелькнуло что-то сложное – усталость, боль, и тень того самого страха.

– И ты ввязался в это, сын? – спросил он.

– Я ввязался в реставрацию дома, – ответил Илья. – А это оказалось частью дела. Дед хранил эту тайну. Молчал. А теперь она вылезла наружу. Игнорировать её – значит осквернить его молчание. Он что-то защищал. Я хочу знать что.

Олег тяжело опустился на стул напротив Насти. Скрип дерева прозвучал громко в тишине. Он достал из кармана жилетки самокрутку, долго, с трясущимися от возраста, но всё ещё уверенными пальцами раскуривал её. Дым, едкий и терпкий, заполнил комнату.

– Хорошо, – сказал он наконец, выпустив струйку дыма. – Спросите. Три вопроса. Больше не дам. И не гарантирую, что отвечу.

Настя и Илья переглянулись. Это была уступка.

– Первый вопрос, – начала Настя. – Что такое «Собрание», которое искали у Сергея Орлова?

Олег затянулся, прикрыл глаза.

– Архив. Не купеческий, не хозяйственный. Исторический. Хроники. Дневники первых Роциных, которые строили не только дома, но и весь этот край. Письма, карты, свидетельства о сделках, о людях... О многом. В том числе о том, что не вписывалось ни в царскую, ни в советскую историю. Правда. Голая и неудобная. Такая, за которую в сорок седьмом могли стереть в лагерную пыль. И не только тогда.

– И он спрятал его? – спросил Илья.

– Это уже второй вопрос, – буркнул Олег, но всё же кивнул. – Спрятал. Где – не знаю. Дед знал. Или догадывался. Но мне не сказал. Только одно... – Он запнулся, будто борясь с собой. – Перед смертью, когда уже бредил, говорил: «Охраняй сердце. Камень не выдаст». Я думал, это бред. А теперь... – он посмотрел на письмо, которое Илья осторожно положил на стол.

– Третий вопрос, – сказала Настя, чувствуя, как время истекает. – Ключ. Кулон или печатка с вензелем «СО». Он у вас?

Олег резко поднял на неё глаза. В них вспыхнула настоящая паника, быстро подавленная.

– Откуда вы...? – он оборвал сам себя. – Нет. Не у меня. Дед, кажется, отдал его Анне. Или... должен был отдать. Она уехала внезапно. После того как Сергея забрали. Сгорел их дом на окраине – странный пожар, только их дом. Говорили, она что-то вынесла из огня. А потом исчезла. Может, ключ был с ней.

Настя медленно достала из кармана распечатку с фотографией Анны и указала на кулон.

– Это он?

Олег взял листок дрожащей рукой, поднёс близко к глазам. Смотрел долго. Потом кивнул, один раз, резко.

– Да. Похоже. Она редко его снимала. Говорили, семейная реликвия.

Настя почувствовала разочарование. Значит, ключ утрачен. Сгорел или уехал с Анной в неизвестность.

– Но, – неожиданно добавил Олег, положив листок на стол, – есть одна вещь. Дед, когда работал в доме последний раз, перед самой войной, сделал... копию. Оттиск. На случай, если оригинал потеряется. Он был мастером по камню и по металлу. Он мог.

– Где этот оттиск? – почти вскрикнул Илья.

Олег посмотрел на сына с нескрываемой горечью.

– Ты думаешь, если бы я знал, я бы молчал все эти годы? Я бы... – он сжал кулаки. – Меня тоже спрашивали. Не раз. И не только в сорок седьмом. Позже. Уже в семидесятые. Люди в хороших костюмах. Интересовались историей дома. И архивом Роциных-Орловых. Я говорил, что ничего не знаю. И они... поверили. Ценой моей репутации. Ценой того, что меня выгнали с работы, объявили вором. Чтобы я точно знал, что значит молчать.

Илья побледнел.

– Отец... Ты никогда...

– А зачем? Чтобы ты пошёл мстить призракам? Чтобы на тебя тоже повесили клеймо? – Олег говорил с горькой страстью. – Я принял это. Как плату за молчание деда. За его честь. И надеялся, что на мне цепь и оборвётся. А теперь вы... – он махнул рукой, охватывая жестом и Настю, и сына, – начинаете всё сначала.

Настя сидела, потрясённая. Вся глубина трагедии открывалась перед ней. Молчание через поколения. Жертва, принесённая ради сохранения тайны. И страх, который не умер.

– Но теперь письмо найдено, – тихо сказала она. – Тайна просится наружу. И есть те, кто всё ещё её ищет. Петр Ковалёв.

При этом имени Олег съёжился, будто от удара. Его лицо исказилось гримасой настоящей, животной ненависти.

– Ковалёв... – прошипел он. – Пададь. Сын падали. Его отец был тем самым «специалистом» из органов, который вёл дело Орлова. Он искал архив не для государства. Для себя. Он знал, что там можно найти – земли, права, компромат на новых хозяев жизни. Он хотел нажиться. И, видно, не оставил эту идею. Передал сыну. Как семейную болезнь. – Он посмотрел на Настю. – Берегитесь его. Он не остановится. Он почуял кровь. Вашу кровь, девочка.

В комнате стало холодно, несмотря на жар печи. Настя понимала, что попала в центр давнего противостояния, корни которого уходили в самые тёмные времена.

– Что нам делать? – спросил Илья, глядя на отца не как на врага, а как на союзника, наконец-то раскрывшего карты.

Олег задумался, его взгляд стал отстранённым, обращённым вглубь себя.

– Ищите оттиск. Если дед его сделал, он не стал бы прятать далеко. Он верил в простые решения. «Что хорошо спрятано, лежит на виду». Ищите там, где его душа. В мастерской. В камне. В... – он запнулся, будто что-то вспомнил. – Он любил повторять одну странную фразу, когда работал: «Каждая кладка имеет своё сердце – замковый камень. Найди его – и вся стена откроется».

«Замковый камень». И «сердце дома». Настя почувствовала, как в голове что-то щёлкает.

– В печи? – предположила она. – В камине? Замковый камень арки?

– Возможно, – согласился Олег. – Но в доме Рощина несколько печей и каминов. И все разные. Дед делал не все. – Он помолчал. – Больше я ничего не скажу. Уходите. И... будьте осторожны. Не доверяйте никому.

Это было прощание. Они встали. Илья, к удивлению Насти, подошёл к отцу и молча, крепко обнял его за плечи. Старик сначала напрягся, потом расслабился, и его рука на мгновение легла на руку сына. Без слов. Но в этом жесте было больше понимания и прощения, чем в часах разговоров.

На улице туман начал рассеиваться, превращаясь в холодную морось. Они шли молча, каждый переваривая услышанное.

– Прости, – наконец сказал Илья. – Я не знал. Обо всём этом.

– Он защищал тебя, – ответила Настя. – Как его дед защищал тайну. Это... семейная черта, похоже.

Она попыталась шутить, но голос дрогнул.

– Что будем делать? – спросил Илья.

– Искать замковый камень. И оттиск. Сначала в мастерской. Твой дед мог оставить его среди своих вещей.

Они направились к «Камню времени». По дороге Настя проверяла телефон. Было несколько пропущенных звонков от Петра и одно сообщение: «Настя, срочно нужна встреча. Касается финансирования. Есть вопросы по твоему перерасходу. 18:00, мой отель». Тон был сухим, угрожающим.

Она показала сообщение Илье. Он нахмурился.

– Не ходи одна.

– Придётся. Но я буду настороже.

Они вошли в мастерскую. Теперь, зная историю, Настя смотрела на неё другими глазами. Каждый старый инструмент, каждый пожелтевший чертёж мог быть ключом. Илья направился к запёртой кладовке – той самой, с тяжёлым замком.

– Я никогда не искал здесь ничего, кроме инструментов деда, – сказал он, открывая массивный висячий замок ключом с брелка. – Но если он что и спрятал, то здесь.

Дверь открылась со скрипом. Внутри было тесное помещение, заставленное ящиками, свёртками в холстине, старыми чемоданами. Пахло нафталином, металлом и пылью. Они начали с самого очевидного – с деревянного сундука с коваными уголками, на котором было выжжено «И.С.» – Игнат Савельев.

Внутри лежали не инструменты, а личные вещи: потрёпанная Библия, несколько орденов и медалей (не военных, а трудовых), пачка писем от жены с фронта, засушенный цветок... И небольшая, плоская деревянная шкатулка из тёмного дуба.

Илья открыл её. Внутри, на бархате, лежали несколько слесарных инструментов миниатюрного размера – для тонкой работы. И... металлический диск, размером с крупную монету. Он был тёмным, потемневшим от времени, но на нём явно читался рельефный оттиск. Илья взял его и поднёс к свету.

Это был вензель. «С» и «О», переплетённые в тот самый узор, что на печати письма и на кулоне Анны. Оттиск.

– Нашёл, – прошептал он. – Он сделал его. На случай.

Настя взяла диск. Он был холодным, тяжёлым, настоящим. Ключ. Не от двери, а от тайны. Оттиск, который, возможно, совпадал с углублением где-то в доме. Замковый камень.

– Теперь нужно найти, куда он подходит, – сказала она, чувствуя прилив адреналина.

Но времени не было. Уже было пять. Ей нужно было готовиться к встрече с Петром. Она положила оттиск в внутренний карман, почувствовав его холод через ткань.

– Я пойду. Держи связь. Если что...

– Я буду рядом, – твёрдо сказал Илья. – Отель «Уездный» через улицу от кофейни. Если что-то пойдёт не так, позвони. Я приду.

В его глазах читалась не просто ответственность за коллегу. Читалась решимость защитить. Настя кивнула, не в силах ничего сказать, и вышла на улицу.

Вечер опустился над Кожиным, сырой и неудобный. Отель «Уездный» был единственным местом в городе, претендующим на трёхзвёздочный уровень – бывшая гостиница советских времён, недавно отремонтированная с заметным бюджетом и отсутствием вкуса.

Лобби было освещено ярко, пахло дезодорантом и дешёвым парфюмом. За стойкой сидела скучающая администраторша. Настя поднялась на второй этаж, в номер, который Пётр, судя по всему, превратил в временный офис.

Он открыл дверь сразу после стука. Был в дорогой, но неформальной кашемировой водолазке и брюках. Улыбка на лице была профессиональной, но не дотягивающей до глаз.

– Настя, заходи. Спасибо, что нашла время.

В номере стоял стол, заваленный бумагами и ноутбуком. На подносе – бутылка дорогого виски и два бокала.

– Присаживайся. Выпьешь? Снимает стресс.

– Нет, спасибо, – холодно ответила Настя, оставаясь стоять. – Вы говорили о финансировании.

– Всегда к делу, – вздохнул Пётр, наливая себе. – Хорошо. Давай к делу. Твой отчёт о необходимости дополнительного обследования фундамента и использования «исторического» камня... Это, мягко говоря, не то, чего я ожидал. Ты в курсе, что это тянет за собой увеличение бюджета минимум на тридцать процентов и сдвиг сроков на полгода?

– Я в курсе. Но это необходимо для долговечности и исторической достоверности, – твёрдо сказала Настя.

– Долговечность, достоверность... – Пётр сделал глоток. – Милая моя, ты до сих пор не поняла, что это не музейный проект? Это пиар-акция. Красивая картинка для отчётности и дальнейших инвестиций в город. Дом должен быть красивым. Не аутентичным. Красивым. И готовым к следующему туру выборов мэра.

– Тогда вы наняли не того архитектора, – парировала Настя. – Я не занимаюсь бутафорией.

Пётр поставил бокал, его лицо стало жёстким.

– Положение обязывает, Настя. У тебя уже был один провал. Второго твоя репутация не переживёт. Я даю тебе шанс исправиться. Не упрямясь.

– Это шантаж?

– Это реальность. – Он подошёл ближе. Слишком близко. – И есть ещё кое-что. Я слышал, вы с Савельевым что-то нашли в доме. Какие-то... старые бумаги.

Лёд пробежал по спине Насти. Как он узнал? Витя? Кто-то ещё?

– Мы проводим стандартное обследование. Ничего особенного.

– Не лги мне, Настя, – его голос стал тихим, опасным. – Я знаю о письме Орлова. И знаю, что вы с Ильёй что-то ищете. Архив, да? Искали его отец и дед. И, кажется, нашли не они, а вы.

Настя попыталась сохранить спокойствие.

– Это не имеет отношения к проекту.

– Всё, что происходит в этом доме, имеет ко мне отношение! – он повысил голос, ударив кулаком по столу. – Ты думаешь, я вложил сюда деньги из любви к искусству? Этот дом – ключ. К землям, к влиянию, к прошлому, которое можно очень выгодно продать в правильном виде. И этот архив... если он существует, он принадлежит мне. По праву инвестора и по праву... наследства.

– Какому наследству? – не поняла Настя.

Пётр улыбнулся, и это было самое неприятное, что она видела на его лице.

– Мой отец вёл дело Орлова. Он имел на него права. А я – наследник. Так что все бумаги, все ценности, найденные в доме, – мои. И тебе, дорогая, лучше сотрудничать. Иначе я не только вышвырну тебя с проекта, но и позабочусь, чтобы ты больше никогда не смогла работать по специальности. У меня есть рычаги.

Настя стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Он не блефовал. Он мог это сделать.

– Чего ты хочешь? – прошептала она.

– Архив. Или информацию о нём. Всё, что найдёте. Ты будешь моими глазами и ушами рядом с Савельевым. Он тебе доверяет, я вижу. Используй это. А я, в свою очередь, позволю тебе играть в твою игру с «аутентичностью». В разумных пределах.

Это было грязно. Унизительно. Но иного выхода она не видела. Открыто противостоять ему сейчас – значит погубить всё.

– Я... подумаю, – сказала она, делая шаг к двери.

– У тебя есть до завтра, – бросил он ей вслед. – Не заставляй меня принимать жёсткие меры. И, Настя... – он сменил тон на почти ласковый. – Не вздумай бежать к своему каменщику с этой историей. Для него это может кончиться ещё хуже. У него и так репутация шаткая. Ещё один скандал, и его мастерскую закроют. Навсегда.

Она вышла в коридор, шатаясь. Сердце бешено колотилось. Она спустилась по лестнице, прошла через лобби и вывалилась на холодную улицу. Дождь усилился. Она стояла под струями, не чувствуя холода, только всепоглощающий ужас и гнев.

Её телефон завибрировал. Сообщение от Ильи: «Всё в порядке?»

Она смотрела на экран, и слёзы смешивались с дождём на её лице. Она не могла ему рассказать. Не могла подвергнуть его опасности. Но и стать шпионом Петра... это было невозможно.

Она подняла голову и посмотрела в сторону Дома Рощина. Его тёмный силуэт высился вдали. Он был центром этой бури. В его стенах лежала разгадка. И, возможно, оружие против Петра. Отгиск в её кармане жёг кожу.

Она написала ответ Илье: «Всё нормально. Просто тяжёлые переговоры. Завтра на объекте, как договорились?»

Ответ пришёл почти мгновенно: «Да. Найдём этот замковый камень».

Настя глубоко вдохнула влажный, холодный воздух. Страх никуда не делся. Но к нему добавилась новая, стальная решимость. Петр хотел войны? Он её получит. Но она будет вести её по своим правилам. Она пойдёт в дом. Найдёт архив. И решит сама, что с ним делать. Она была Орловой. И теперь, наконец, почувствовала тяжесть и гордость этой фамилии. Цепь поколений не оборвалась. Она просто ждала, когда кто-то окажется достаточно сильным, чтобы её поднять.

Она повернулась и пошла по направлению к кофейне. Но не для того, чтобы спрятаться. Чтобы подготовиться к завтрашнему дню. К дню, когда она и Илья попытаются открыть сердце дома. А Петр Ковалёв, со своими угрозами и манипуляциями, остался где-то позади, в ярко освещённом номере дешёвой гостиницы. Он думал, что контролирует ситуацию. Но он недооценил две вещи: упрямство каменщика и ярость женщины, которая только что обнаружила, что у неё есть наследие, которое стоит защищать.

Глава 7. Призрак из Москвы.

Солнечный свет на следующий день был предательским – ярким, холодным, выхватывающим из осенней серости Кожина все его блёклые краски с беспощадной ясностью. Настя сидела в кофейне за своим столиком, пытаясь сосредоточиться на пересчёте сметы, но цифры прыгали перед глазами, не желая складываться в связную картину. Вчерашний разговор с Петром лежал в желудке тяжёлым, не перевариваемым камнем. Угрозы. Шантаж. И этот отвратительный, знакомый до боли тон – снисходительно-покровительственный, за которым скрывалась сталь.

Она взглянула на телефон. Ничего от Ильи с утра. Он, наверное, уже на объекте, проверяет те самые печи и камины на предмет «замкового камня». Оттиск в её кармане казался раскалённым, напоминая о себе при каждом движении.

Дверь кофейни с лёгким звонком открылась, впустив поток свежего, морозного воздуха. И следом – его.

Настя узнала его сначала по запаху – лёгкий шлейф дорогого, не давящего парфюма с нотками сандала и чего-то холодного, возможно, бергамота. Тот самый аромат, который когда-то ассоциировался у неё с успехом, с «взрослой» жизнью, а теперь вызывал лишь тошнотворный спазм где-то под ложечкой.

Пётр Ковалёв вошёл в «Под черёмухой» так, будто входил в свой личный кабинет. Спокойно, уверенно, с лёгкой, едва заметной улыбкой, оценивающей обстановку. Его взгляд скользнул по вышитым салфеткам, по медному самовару на полке, по Марине за стойкой – с лёгким, почти неощутимым пренебрежением, которое тут же сменилось профессиональной любезностью, когда он увидел Настю.

– Настя, – произнёс он, и его голос, бархатный, поставленный, наполнил маленькое пространство. – Какое совпадение. А я только собирался тебя искать.

Он был безупречен. Тёмно-серое пальто тонкой шерсти, идеально сидящее на его подтянутой фигуре. Кашемировый шарф, небрежно, но точно повязанный. Лёгкая седина у висков, которая не старила, а лишь добавляла солидности. Он выглядел как иллюстрация из журнала о роскошной жизни, случайно занесённая в эту провинциальную идиллию.

Марина, перестав протирать бокалы, смотрела на него с открытым любопытством, смешанным с настороженностью. Она почуяла хищника.

– Пётр, – кивнула Настя, стараясь, чтобы её голос звучал ровно и нейтрально. – Ты быстро нашёл мою штаб-квартиру.

– В таком городе всё на виду, – улыбнулся он, снимая перчатки и не дожидаясь приглашения, подсел к её столику. – И какое уютное место. Прямо как в старых добрых фильмах. – Он огляделся, и его взгляд на секунду задержался на фотографии юной Насти у Дома Рощина. Что-то мелькнуло в его глазах – не интерес, а скорее, аналитическая оценка. «Ага, вот откуда корни».

– Кофе? Или чай? У Марины прекрасный вишнёвый пирог, – сказала Настя из вежливости, которую тут же возненавидела в себе.

– Эспresso, пожалуйста, без сахара, – кивнул он в сторону Марины, даже не удостоив её прямым взглядом. Затем перевёл внимание на Настю. – Я не стал ждать до завтра. Дела в Москве требуют ускорения, поэтому решил действовать на опережение. Поговорить без протокола.

Марина, налив эспresso в маленькую чашку, поставила её перед Петром с лёгким, но отчётливым стуком.

– Будьте осторожны, горячо, – сказала она и отошла, но Настя видела, что подруга не уходит далеко, делая вид, что раскладывает пирожные в витрине.

– О чём ты хочешь поговорить? – спросила Настя, отодвигая от себя ноутбук. – Если о вчерашнем... моя позиция не изменилась.

– Не будем начинать с конфронтации, – он сделал маленький глоток кофе, поморщился – слишком крепко, слишком просто для него. – Я предлагаю перезагрузку. Новый старт. Мы оба профессионалы. И у нас общая цель – успешно завершить этот проект.

– Но разное видение успеха, – парировала Настя.

– Видение можно скорректировать. Я, например, пересмотрел свои планы насчёт фасадных материалов. – Он откинулся на спинку стула, приняв позу человека, делающего великодушный жест. – Ты можешь использовать свой исторический камень. Для парадного фасада. Для остального – качественная имитация. И мы укладываемся в приемлемые сроки и бюджет. Компромисс.

Это было ловко. Создавалось впечатление, что это его идея, его уступка. Настя чувствовала ловушку, но не видела пока зубьев.

– А обследование фундамента? – спросила она.

– Ты можешь провести его. Силами Савельева, если он настаивает. Но за его счёт. В рамках его контракта. Если он найдёт реальные проблемы – обсудим. Но без паники и без остановки остальных работ.

Он говорил гладко, разумно. Почти как партнёр. Но Настя помнила вчерашние угрозы.

– И каков твой интерес в такой внезапной гибкости? – спросила она прямо.

Пётр улыбнулся, и в его глазах вспыхнул тот самый холодный огонёк, который она знала.

– Интерес? В успешном проекте. И в том, чтобы моя звезда архитектора не сожгла себе крылья на второстепенной работе из-за принципов, которые в наше время мало кого волнуют. Я ведь о тебе забочусь, Настя. Как всегда.

Это было слишком. Слишком сладко, слишком фальшиво.

– Ты забыл, Пётр, что я уже знаю, как выглядит твоя «забота». Она заканчивается, когда перестаёшь быть полезной.

Его улыбка не дрогнула, но глаза стали ещё холоднее.

– Люди меняются. И обстоятельства. Здесь, – он жестом охватил пространство кофейни, город за окном, – всё иначе. Здесь можно позволить себе роскошь... честности. В разумных пределах.

Он помолчал, его взгляд стал задумчивым, почти ностальгическим.

– Знаешь, когда я узнал, что ты здесь, я был удивлён. Но потом подумал – а может, это судьба? Шанс исправить то, что тогда пошло не так. Мы были хорошей командой, Настя. Ты – блестящий, одержимый идеями архитектор. Я – человек, который умеет эти идеи продвигать в мире реальном. Мы дополняли друг друга.

– Ты использовал мои идеи, чтобы сделать себе имя и деньги, – холодно напомнила Настя. – А потом выбросил меня за борт, как использованную салфетку.

– Я предложил тебе долю! – он сделал вид, что возмущён. – Ты сама отказалась, обидевшись на какую-то ерунду с авторством.

– Это была не ерунда! Это был мой проект! Ты просто приписал себе...

– Я его продал! – перебил он, понизив голос, но сила в нём зазвучала сталью. – Продал, пока ты тряслась над каждой линией, боясь осквернить свою святую «идею». В бизнесе так не выживают, Настя. Нужно уметь действовать быстро и без сантиментов. Я научил тебя этому. Жаль, что урок не пошёл впрок.

Он смотрел на неё теперь без притворной нежности. Смотрел как на неразумного ребёнка, который снова наступает на те же грабли.

– И что теперь? Ты приехал сюда, чтобы преподать мне второй урок? – спросила Настя, чувствуя, как гнев поднимается комом в горле.

– Я приехал, чтобы закончить начатое, – поправил он. – И этот проект, и... наши незаконченные дела. – Он протянул руку через стол, как будто собираясь коснуться её пальцев, но Настя резко отдернула руку. Он не смутился, просто убрал свою. – Я видел, как ты смотришь на этот дом. Это не просто работа для тебя. Это что-то личное. И я могу помочь тебе спасти его. По-настоящему. Но для этого нужно доверие. И кое-какая информация.

Вот и он – зуб ловушки. Информация.

– Какая? – спросила Настя, хотя уже знала ответ.

– Ты и Савельев что-то нашли в стенах. Я знаю. Мои люди следят за объектом. Старое письмо, да? Орлова. Мне интересно. Как историка и инвестора. Может, там есть что-то, что прольёт свет на юридические тонкости собственности. Или... на те самые ценности, которые могут стать изюминкой будущего культурного центра.

Он лгал. Лгал так гладко, что почти сам верил в это. Но Настя видела азарт в его глазах. Не историка. Охотника.

– Ты же сам сказал – люди в городе болтливы, – уклончиво ответила она. – Слухи ходят. Мы нашли закладку со старыми счетами. Ничего интересного.

– Не прикидывайся глупой, – его терпение начало лопаться. – Я знаю о «Собрании». Мой отец искал его. И я потратил немало времени и ресурсов, чтобы выйти на этот проект. Это не случайность, Настя. Это планирование. И теперь, когда мы так близко... не делай из себя препятствие.

Он говорил это тихо, но каждое слово было отточенным лезвием.

– Что тебе нужно от этого архива? – спросила Настя, уже не пытаясь отрицать.

– Что всем нужно от истории? Правду. Силу. Возможность переписать некоторые страницы в свою пользу, – он усмехнулся. – Конкретно – там могут быть документы на землю, на которую претендует город и несколько частных лиц. Документы, которые могут всё изменить. Или... просто интересные семейные тайны, которые хорошо продаются определённому кругу лиц.

Он был циничен до мозга костей. И страшен в этой своей откровенности.

– А если я откажусь тебе помогать?

– Тогда твой проект умрёт. У тебя не будет ни денег, ни поддержки. А Савельев... – он сделал паузу для драматического эффекта, – у него начнутся серьёзные проблемы с налоговой. Я уже присмотрелся к его хозяйству. Очень... хрупкое. Один толчок – и рухнет. И, конечно, все узнают, что его отец – вор, оклеветавший честных людей. Наследственность, знаешь ли.

Настя вскочила, опрокинув стул. Гнев затмил всё.

– Ты мерзкий...

– Реалист, – закончил за неё Пётр, спокойно допивая кофе. – И ты тоже будешь реалисткой, Настя. Потому что у тебя есть слабость. Ты начала во всё это вкладывать душу. В этот дом, в этот город, даже в этого угрюмого каменщика. И за душу всегда больно платить. Я даю тебе время до конца недели. Принеси мне то, что найдёшь. Или хотя бы точные указания, где искать. И всё будет хорошо. Ты получишь свой отреставрированный дом и даже благодарственную грамоту от мэрии. А нет... – он развёл руками.

Он встал, поправил пальто, бросил на стол купюру, явно превышающую стоимость кофе.

– Было приятно пообщаться. Как в старые времена. – Он повернулся к выходу, но у двери обернулся. – И, Настя? Не вздумай бежать к своему рыцарю в ржавых доспехах. Это будет твой худший ход. Для него.

Он вышел. Звонок колокольчика над дверью прозвучал зловеще тихо.

Настя стояла, дрожа от ярости и бессилия. Марина подошла и молча обняла её за плечи.

– Всё слышала, – тихо сказала она. – Какая гнида. Что будешь делать?

– Не знаю, – прошептала Настя, опускаясь на стул. – Он не блефует. Он всё просчитал.

– А что насчёт Ильи? Сказать ему?

– Не могу. Петр именно этого и ждёт. Чтобы я побежала к нему, и он мог ударить по ним обоим. Нет. Нужно думать иначе.

Но мысли путались. Страх за проект, за Илью, за его отца, за эту хрупкую надежду, которая начала было теплиться внутри неё – всё смешалось в тугую, болезненный клубок.

Она вышла на улицу, чтобы подышать. Морозный воздух обжёг лёгкие, но не прочистил голову. Она шла без цели, и ноги сами принесли её к Дому Рощина. Он стоял в своих лесах, молчаливый и всевидящий. В его стенах была разгадка. И, возможно, оружие против Петра. Но как его найти, не попавшись на крючок?

Возле входа в дом она увидела Витию. Парень что-то грузил в старенький пикап.

– Настась... Анастасия Сергеевна! – оживился он, увидев её. – Илья Игнатьич внутри. Всё утро печи исследует. Говорит, нашёл одну интересную.

Настя кивнула и вошла в дом. Внутри пахло сыростью, пылью и теперь ещё – едким запахом старой сажи, поднятой в воздух. Она прошла в парадную гостиную. Илья стоял на коленях перед огромной кафельной печью, частично разобрав заслонку и заглядывая внутрь топки с мощным фонарём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.